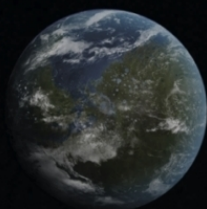

ИЛЛЯ ИСТ • НИЛ РЕМ

АДДЕН

*Добро пожаловать
в лучшее место Солнечной системы*

18+

Илья Ист

Аден

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ист И.

Аден / И. Ист — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Представьте, что вы выиграли в лотерею пожизненное проживание в одном из лучших отелей. Загвоздка, правда, в том, что отель находится на Марсе. И в том, его владельцы не так просты, как кажется на первый взгляд. А ваш бывший шеф с ними в стоворе. И вы влюбились. Отчаянно и бесповоротно. Именно в такой водоворот событий попадает Михаил Севастьянов — менеджер Объединённой атомной корпорации. На дворе 2137 год. Всё, как и всегда, сложно. И многие хотят извлечь из этого свою выгоду. Но принесет ли побег с разоренной войнами Земли долгожданное спокойствие? Станет ли роскошный особняк на Марсе домом? История Михаила — ответ на вопрос, можно ли сделать человека счастливым. Пускай даже на это уйдет несколько тысячелетий.

© Ист И., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

В чертогах Бога	5
Интро	6
Покой	10
Cursus Honorum[3]	17
Вальтер	20
В гостях у Атомного Императора	24
Юдоль	32
Дом утренней зари	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Илья Ист, Нил Рем Аден

В чертогах Бога

– Трилуние. Давно таких знамений не видел я в холодных небесах. И ветер продувает мои кости... – Старик опустил глаза. Молодой пилот, сидевший с ним рядом, казалось, не слушает. Смотрит вдаль.

– Ты спрашивал о старых временах. Зачем? Ушли они. Гляди, туманность. Жёлтая звезда. Ей имя было Солнце. Мать моя, Земля, покоилась под ней. Вот так я стар...

Старик замолчал, чтобы собраться с мыслями. Прочистил горло и заговорил низко, чуть хрипло.

– Думаешь, бессмертие – это наш дар вам, потомкам? Возможно, так. Я знаю смерть. Видел, как она забирает моих родных, друзей, врагов. И остальных. Нет в этом красоты. Я рад, что больше мы ее не встретим.

Пилот исподволь глянул на старика. Чудаковатый костюм истрепался в лохмотья. На посохе – непонятные письмена. А взгляд живой, печальный и мудрый.

Ночь обещала быть длинной. Рассказ старика ее скрасит. Пилот потер глаза. Затем – уши. Чтобы не заснуть. И приготовился слушать о временах, когда человечество делало первые робкие шаги из своей колыбели, имя которой – Земля.

– Учти, это было давно. Я многое забыл. Только выкрути плазмоид на полную, а то замерзнем... Да, вот так хорошо. Так вот. Рядом с Землей, откуда я родом, была ещё одна планета, Марс. И много веков назад к ней держал путь космический корабль «Атлантика»...

Интро

21 августа 2137 года

90 000 000 км от Земли

Четвёртая неделя пути. Регулярный лайнер «Атлантика» приближался к конечной точке своего путешествия. Диск Красной планеты, подсвеченный солнцем, уже виден из командного отсека.

В коридорах ни души. Даже роботы-уборщики разбрелись по своим нишам, отдраив каждый сантиметр пола и стен до блеска. Горят световые треки. Жёлтые – путь на палубу, синие – в бар кают-компаний.

Редкие бодрствующие пассажиры собирались на смотровой. Часами, потягивая белковый коктейль, они изучали Марс. С каждым днем он становился все ближе и рельефнее.

Дети пытали родителей: «Когда же мы уже прилетим?!» Вооружившись биноклями, они наперегонки искали среди кратеров и равнин блестящий купол отеля. Взрослые пассажиры предпочитали смотреть в туристический телескоп. Всего за десять эде¹ в час они созерцали марсианскую поверхность с 64-кратным увеличением.

«Что меня там ждет?»

Этот вопрос терзал всех, кто впервые летел на Марс. Но в разговоре пассажиры ограничивались шутками о слабой гравитации и отсутствии нормальной атмосферы. А ещё о том, что на Марсе у них наконец-то появится «лишний» час в сутках.

– В отеле и правда есть поле для гольфа? – спрашивали одни.

– Говорят, там иногда идет дождь, – отвечали другие.

– И снег... – добавляли третьи.

– Там нет синтетических продуктов, и вся еда имеет первый класс безопасности! – с чувством глубокого удовлетворения отмечали четвертые.

Но большинство пассажиров не могли ничего сказать. По собственному желанию они были заморожены и спали в криогенных камерах.

* * *

Дни на «Атлантике» тянутся медленно. Пассажиры первого и второго классов, пренебревшие заморозкой, коротали время в виртуальной реальности.

Пиксели на цифровых часах медленно сменяли друг друга, фиксируя приближение конца маршрута. За три дня до прибытия корабельное время начали синхронизировать с марсианским.

Шли тридцатые сутки полёта. Надпись «анабиоз» на криогенных камерах потухла. Компьютер активировал режим деликатного пробуждения. Экспресс-разморозка, практиковавшаяся в первых полетах, губительно сказывалась на здоровье, и от неё решили отказаться. Это вдвое увеличило длительность процедуры, но позитивно отразилось на цвете лица путешественников.

¹ Эквивалент денежной единицы (ЭДЕ) – мировая валюта, введённая Всемирной Парламентской Ассамблеей после великого инфляционного удара вместо пентавалютной корзины (из амеро, великого юаня, рупии, панарабского динара и евразийского рубля) на рубеже 2114–2115 гг. Средняя инфляция в зоне эде составляет 6–7 % в год.

* * *

«Уважаемые пассажиры, наш полет подходит к концу! Через час корабль пристыкуется к орбитальной площадке марсианского стыковочного узла. С неё на космическом лифте вы будете доставлены на поверхность планеты. Спасибо, что воспользовались услугами космической компании “Спейс Инфинитум!”»

Прослушав уведомление, Михаил поставил его на повтор. Воспринимать информацию было тяжело. Знобило и слегка подташнивало – последствия заморозки.

Три первых шага были мучительны. Михаил с облегчением погрузился в уютное белое кресло с красными подлокотниками. Огляделся – в остальных камерах пусто. Вот и хорошо, можно не торопиться, собраться с мыслями. Мысли – как рваное лоскутное одеяло...

* * *

Земля, космопорт имени Достоевского. Пассажиры бизнес-зала откровенно скучают, одни читают или спят, другие возятся с детьми. Мальчик лет четырех навораживает круги по залу и кричит: «А я йечу на Ма-а-ас!» Потом был Международный Орбитальный Узел². Санобработка перед анабиозом, холод и темнота. Что-то еще гудело за стенкой. Неприятно вспоминать. Не буду.

Капельки талой воды стекают по волосам и мгновенно впитываются в кресло. Михаил взял со столика полотенце, стал неторопливо обтираться. Тем временем интеллектуальная система корабля считала его биологические показатели и заключила, что помощь медперсонала не требуется. Но если бы системе пришлось на ум узнать мнение самого Михаила, ответ её удивил бы.

Михаил бросил полотенце на пол и рухнул в кресло. В дверях появилась молодая девушка в форме «Спейс Инфинитум». Стюардесса или что-то вроде того.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить, сэр? – спросила она. Не дождавшись ответа, улыбнулась и добавила. – Чай, кофе, соки?

Михаил повернулся. Пустыми глазами уставился на стюардессу. Девушка терпеливо повторила вопрос.

– Да... Да, пожалуйста, чай...

Через минуту она вернулась с чашечкой.

– Хорошего чаепития, сэр, и добро пожаловать на Марс! – стюардесса поставила чай на парящий в воздухе плексигласовый столик и исчезла в дверях.

– Спасибо... чай, – невнятно пробормотал Михаил полминуты спустя.

Дрожащей рукой он взял чашку и сделал первый глоток. Горячая волна захлестнула пустой желудок, и на секунду сделалось почти больно. Михаил всем телом ощутил тепло, которого в последние тридцать дней ему так не хватало. Держать чашку больше не было сил, и он поставил её на блюдце. Кажется, провалился в сон.

– Ваша одежда, господин Севастьянов! – Робот подвёз вешалку на колёсиках, – вам требуется помощь, чтобы одеться?

Как и стюардессе, роботу пришлось повторить вопрос.

– Нет, я сам.

² Международный Орбитальный Узел – околоземная космическая станция, удалённая от Земли на 500–550 км. С неё космические корабли отправляются на Луну, Марс, а также в миссии по исследованию дальнего космоса. Строительство МОУ началось в 2095 году.

Михаил медленно допил подостывший чай и принялся одеваться. Слава богу, все на молниях и липучках. Спасибо тебе, Миша из прошлого.

Спортивный костюм ещё хранил запах родной планеты. Интересно, как пахнет Марс? Мысль сама собой возникла в голове и развеселила Михаила. Вот он, первый марсианский вопрос. Про запах... Эх, Миша.

– Сэр, пожалуйста, удостоверьтесь, что все вещи из ручной клади были вам возвращены. Если не имеете претензий к компании, распишитесь на дисплее.

Михаил скользнул руками по одежде и, все еще пребывая в состоянии легкого транса, приложил палец к планшету. Экран учтиво подмигнул бирюзовой галочкой и потух.

– Благодарю вас, сэр!

Еще полчаса потребовалось, чтоб окончательно прийти в себя. Надо размяться. Куда бы пойти?

Будто услышав мысли, умный пол активировал световой трек на смотровую площадку.

– Почему бы и нет?

Михаил вышел в коридор. С удивлением он рассматривал картины первых марсианских художников, висевшие на стенах коридора. По задумке «Спейс Инфинитум», на пути к Марсу выставляются пейзажи Марса, а на обратном пути повесят земные, чтобы помочь пассажирам настроиться на встречу с планетой.

– Уважаемые пассажиры, через сорок минут наш корабль пристыкуется к орбитальной площадке космического лифта. Прямо сейчас вы можете воспользоваться возможностью лицезреть прекрасную панораму планеты Марс с расстояния двести пятьдесят километров. Ждем вас на смотровой палубе В-4. Спасибо! Прослушайте краткую информацию: Марс назван в честь римского бога войны. Такой выбор обусловлен красноватым оттенком планеты, что, в свою очередь, связано с большим содержанием оксидов железа в грунте. Краткие данные об атмосфере...

Михаил не слушал. Все силы уходили на то, чтобы продолжать идти. Шаг, ещё десять шагов, поворот. Широкие створки, за которыми находилась смотровая палуба, распахнулись, и он застыл в дверях, не в силах пошевелиться. Сквозь панорамные иллюминаторы на него смотрел великий, огромный и неизведанный Марс. Его новый дом.

Казалось, на палубе собрался весь корабль. Но Михаил не замечал людей. Вплотную он подошел к сверхпрочному стеклу. Положил на него ладонь, как бы пытаясь коснуться планеты. Никто не заметил этот странный жест. Пассажиры пребывали то ли в экстазе, то ли в волнении. Видимо, оттого они непрерывно шутили.

Стекло холодное, пальцы быстро застыли. Михаил убрал руку и сквозь влажный отпечаток смотрел на поверхность бурой космической глыбы. Корабль слегка тряхнуло, и сердце Михаила, колотившееся в попытках разбудить сонный организм, застучало ещё сильнее.

– Уважаемые пассажиры! Наш корабль пристыковался к орбитальной площадке. Просим вас сохранять спокойствие и соблюдать очередь при посадке на космический лифт.

Кто-то тронул его за плечо. Михаил резко обернулся. Незнакомец. Высокий лысый мужчина крепкого телосложения.

– Господин Михаил Севастьянов?

– Да?

– Рад, что нашел вас здесь. Хотел встретить еще у камеры, но, как вижу, вы покинули её без посторонней помощи. Посадка платинового уровня уже началась. В порядке приоритета. Пойдёмте, я провожу.

Уже на выходе Михаил заметил, что на него устремлены взгляды десятков пассажиров. Платиновый уровень, ещё бы.

Он вдруг почувствовал себя в безопасности, поскольку понял, что одним из первых покинет корабль на сверхскоростном космическом лифте и наконец укроется за прочными стенами

гранд-отеля «Аден». Ему больше не страшны ни космическая стужа, ни солнечная радиация, ни призраки земного прошлого.

Двери лифта распахнулись перед ними. Михаил и его проводник зашли внутрь. Огромная пустая комната – всего пять-шесть человек платиновых гостей. Они приветливо кивнули Михаилу, и он, смущаясь, кивнул в ответ. Сел, пристегнулся. Капсула лифта пришла в движение. Сначала медленно, затем всё быстрее она опускалась по блестящему тросу. Трос едва колебался, будто подчиняясь изменчивому потоку космического ветра.

Прощай, холодная межзвездная пустыня. Михаил опять ощутил приятное тепло, как после первой космической чашки чая.

В гранд-отеле «Аден» тем временем проходили последние приготовления к приему свежей партии важных гостей.

Покой

29 августа 2137 года

Марс. Гранд-отель «Аден»

Часы в фойе гранд-отеля показывали четверть первого по марсианскому времени. С минуты на минуту по ту сторону сверхпрочного затемнённого стекла должны появиться беспилотные автомобили с новой партией постояльцев. Управляющий «Адена» Мортимер Марткауз, опершись на блестящие поручни, нетерпеливо перебирал пальцами и всматривался вдаль. Жестом подозвал одного из служащих.

– Принесите таблетку от головы.

– У вас болит голова? – участливо спросил мальчишка-портье со смешным хохолком на макушке.

– Нет, но определенно заболит. Так что неси живее!

Приём и заселение постояльцев – всегда нелёгкое испытание. Тем более когда дело касается платиновых гостей. Высший уровень. В юности, когда Мортимер только начинал учиться гостиничному делу, таких гостей называли VIP. Термин этот давно канул в Лету, но люди, которым требовалось идеальное обслуживание, никуда не пропали.

– Особняки готовы? – спросил Мортимер у помощника. Господин Ан то ли что-то диктовал, то ли выгружал информацию из головы в планшет. Но отвлекся от своих записей и жестом успокоил Марткауза. Всё в лучшем виде. Когда было иначе?

– А цветы для госпожи из пятого особняка?

– Нашли. Доставили.

Имена гостей, особенно платиновых, редко произносились вслух. Зачастую их даже не знал никто, кроме высшего звена управляющих.

– А газон для постояльцев из одиннадцатого?

– Да. Высадили мятник луговой.

– Ремонт в девятом?

– Закончили еще позавчера. Мебель тоже собрали, комнаты обставили.

– А прислуга?

Ан непонимающе уставился на Марткауза. Прочитав что-то на его лице, улыбнулся:

– Прислуга уведомлена о некоторых... особенностях постояльца.

Марткауз поднял бровь, требуя продолжения ответа, и Ан добавил:

– Договор о забвении все подписали.

Мортимер довольно кивнул. Его взгляд, сканировавший всё вокруг, вдруг упал на самокат, стоящий позади Ана.

– Твой?

– Да... – помощник ответил машинально, не задумываясь. Планшет снова занял всё его внимание.

– Я приказывал не использовать самокаты в личных целях! Они предназначены для постояльцев! А вы – ножками, ножками.

Ан, залившись краской, извинился. Уже через минуту самокат, как по волшебству, растворился в воздухе.

Марткауз усмехнулся и смягчил тон:

– Ладно, как там наш счастливчик, что сделали?

– Он не высказал особых пожеланий, – Ан пожал плечами, – Попросил только, чтобы не беспокоили.

Мортимер испытующе посмотрел на Ана: мол, и всё?

– Вообще-то, у него была ещё одна просьба. Аннулировать земной ай-ди.

– Интересно... – протянул Марткауз. – Перед аннулированием он разрешил доступ к своим персональным данным?

– Да, мы уже перенесли их в облако. Там было негусто, петабайт тридцать-сорок, – планшет Ана издал веселый «блюмк!», – а вот и подтверждение от Системы. Готово. Вся информация о новых постояльцах обработана!

* * *

В фойе собирались люди и «люди» – по залу вились представители белковой и небелковой прислуги, ждавшие возвращения хозяев. Кто-то встречал родню, а беспечно галдящие компании молодёжи, по всей видимости, ожидали прибытия друзей. Были и те, кто встречал своих возлюбленных. Марткауз легко вычислял их из общей массы: вне зависимости от возраста, расы и пола, лица людей светились особенным ожиданием, знакомым каждому, кто работал в отеле хотя бы год. Но ещё чаще их выдавал увесистый букет экзотических цветов. Марткауз по понятным причинам закрывал глаза на то, что большую их часть завезли контрабандным путём без санитарного контроля и карантина.

Браслет завибрировал. Мортимер провел по нему рукой, и в воздухе повисло сообщение: «Постояльцы платинового уровня приземлились. Сели в транспортный модуль. Готовность две минуты».

– Так! – Он смахнул сообщение и хлопнул в ладоши. – Все по местам! Охрана! Ан, где охрана?

– Все на посту, двадцать человек, плюс двое в резерве на случай форс-мажора.

Мортимер облокотился на перила и подался глубоко вперед, как бы нависая над фойе.

– Хорошо. Работаем.

Ворота отеля распахнулись, во двор заехал первый автомобиль.

* * *

– Добрый день, уважаемые постояльцы отеля «Аден». С вами Инесса Арктур, и сегодня мы встречаем новую группу гостей с далекой матушки-Земли! Рада сообщить, что к нам прибывают знаменитый режиссер виртуальных миров Норберт Кван и синтетический композитор Роза Врубель. Познакомимся с ними чуть позже. С минуты на минуту на пороге появится новая звезда Марса! Тот самый человек, который выиграл в Мировую лотерею пожизненную – да, да, вы не ослышались, пожизненную путёвку на Марс! Каково это – получить билет на вечное проживание в лучшем из когда-либо построенных человеком отелей во всей Солнечной системе? Поговорим об этом в одном из следующих подкастов. А теперь Иван Гордиенко передаёт привет соседям из номеров 110 и 112. Напоминаю, вы также можете передать привет своим друзьям и соседям через наш канал. Просто отправьте сообщение и не забудьте пометить его персональным биотегом...

Мортимер, покусывая верхнюю губу, наблюдал за работой молодой журналистки. Не раз ему хотелось уволить девчонку за нарушение негласных табу Адена. Но её отец, Роберт Арктур, был старинным приятелем Мортимера. Он погиб во время ракетного обстрела Рима двенадцать лет назад, так что приходилось проявлять терпение к выходкам дерзкой, но все-таки талантливой Инессы.

Платиновые постояльцы неторопливо покинули машины и направились к прислуге. Каждого из них встречала целая группа со специальными именными табличками.

Для Михаила всё было как в тумане. На автопилоте он вышел из длинного черного электрокара, который чем-то смахивал на респектабельный катафалк, и сделал несколько шагов. Человекоподобный белл-бой вежливо приподнял перед ним шапочку и проводил в фойе. В

глаза Михаилу ударил непривычный яркий электрический свет. Толпа людей – обнимаются, жмут руки. Смеются, целуются. На верхней площадке играет живой оркестр. Под потолком что-то хлопнуло, и в воздухе запестрели разноцветные конфетти. То и дело Михаила обгоняли вновь прибывшие постояльцы. Они врезались в ликующую толпу и уже через мгновение бесследно в ней растворялись. Более опытные гости, уже не впервые прилетавшие в «Аден», огибали встречающих и в сопровождении свиты направлялись к личным автомобилям.

– Ан, что это за рассеянный парень в центре фойе?

– Где? А, это тот самый Михаил Сер-вастр... – фамилия Михаила давалась Ану с заметным усилением. – Се-ва-с-тя-нов! – едва выговорил он.

– Ясно. Вот он какой. Значит, так: быстро найди свободного портье. Пусть его... – Марткауз не успел закончить, как к Михаилу уже подскочил кто-то из прислуги.

– Всё решилось само собой! – отрапортовал Ан. – Прикажу, чтобы его доставили прямиком в особняк.

Повернувшись к Ану, Мортимер добавил:

– Необходимо уделить этому человеку особое внимание. Отныне он – визитная карточка отеля.

Ан шутиливо отдал честь управляющему, на что Мортимер погрозил ему пальцем.

* * *

– Вы Михаил Севастьянов! – Румяный мужчина в пиджаке с нашивкой отеля не спрашивал, он утверждал. – Здравствуйте, Михаил! Добро пожаловать! Меня зовут Майкл Мэйнслэйв. Ваш личный менеджер-консультант. Я провожу вас к автомобилю. Понимаю, вы очень устали. Но не беспокойтесь, тут всего несколько шагов. Совсем скоро вы сможете отдохнуть.

Расторопный Мэйнслэйв деликатно взял Михаила под руку. В двух шагах впереди появились плечистые охранники. Они провели его через толпу до дверей фойе.

Оказавшись на улице, Михаил поднял голову к небу. Высоко наверху поблескивал громадный стеклянный купол, защищающий гранд-отель от непокорной марсианской стихии. Они остановились у блестящего черного электромобиля с золотым, красным и серебряным узором. «Узнав» Михаила, машина распахнула заднюю пассажирскую дверь. Мэйнслэйв дождался, пока Михаил сядет, и занял сиденье напротив.

– Господин Севастьянов, желаете небольшую экскурсию по отелю или сразу поедете в особняк?

– Домой. – Тихо сказал Михаил. – Устал.

– Конечно. – Мэйнслэйв понимающе покачал головой и дал команду бортовому компьютеру. – Бульвар да Винчи, особняк А19.

Электромобиль плавно тронулся с места. Они покинули сектор прибытия, и уже через минуту мчались по одной из центральных улиц.

За окном проплывали аккуратные домики на пять-шесть номеров. Одни увиты плющом, другие – окружены строгим английским садом. В городе было зелено и солнечно. Идеальный день для прибытия. Михаил приоткрыл окно и с наслаждением дышал свежим воздухом. Ветер в одну секунду растрепал тщательно уложенную ещё на корабле причёску.

Вот он, запах Марса. Свежескошенная трава, цветы и ещё что-то тонкое. Едва уловимое, как из детства.

– Мы только что проехали серебряный уровень. Очень мило, не находите? Но, на мой вкус, шумновато, – доверительно сообщил Мэйнслэйв и подмигнул Михаилу. – Видите КПП? Впереди золотой.

Миновав кипарисовую аллею, электромобиль сбавил ход перед воротами. Система моментально считала информацию о пассажирах, и ворота раскрылись. Автомобиль набрал

полный ход. Они проезжали улицу за улицей, а надписи на указателях мелькали так, что Михаил едва успевал читать их: Азимова, Кларка, Булычева, Уэлса... Дома в золотом уровне были богаче, с просторными садами, бассейнами и теннисными площадками.

Несмотря на свежий воздух, от постоянных поворотов Михаилу сделалось дурно. Зашумело в висках, к горлу подкатил ком – пониженная гравитация давала о себе знать. Он стал медленно сползать по сидению. Мэйнслэйв тут же приказал машине замедлить ход.

– Вам нехорошо? Может, выйдем, проветритесь?

– Нет, нет. Поедем.

Мэйнслэйв легонько пожал плечами, и машина возобновила ход.

Лучше закрыть глаза, чтобы не штормило. Вот-вот, так полегче. И ветерок в шею. Михаил погрузился в прошлое. Стоит на палубе и в последний раз видит угасающий в глубине космоса шар Земли. Отвернулся. Доктора в кургузых белых одеждах, похожие на инопланетян, ощупывают его тело. Инженеры колдуют вокруг криокамеры. Страшно? Совсем немного. Потом – последний глоток воды перед тем, как его заморозят заживо. Заживо. Страх всё сильнее. Нужно скорее лечь. Засыпать и ни о чём не думать. Клубы криптона окутали его, словно туман из капелек застывшего времени. Последний блик света. И абсолютная тьма.

Из тьмы неожиданно выплыло круглое лицо Мэйнслэйва.

– Михаил? Проснитесь. Мы приехали.

Машина остановилась на бульваре Леонардо да Винчи перед особняком А19, где Михаилу предстояло беззаботно провести остаток жизни.

Улица перед домом выложена упругой искусственной брусчаткой. Все дороги в платиновом уровне «Адена» были напечатаны прочным современным полимером, но мимикрировали под асфальт. Декоративный каменный заборчик вокруг особняка доходил Михаилу до пояса – ещё на полтора метра вверх возвышались кусты живой изгороди.

– Пожалуйста, посмотрите в сканер. Это вместо ключей. – Майкл помог Михаилу вылезти из машины.

Сканер кратко пикнул. Причудливые металлические растения, из которых состоял узор на калитке, пришли в движение и расступились, открыв Михаилу проход. Уютный дворик и небольшое крыльцо с лестницей. Возле него уже выстроились опрятные горничные в количестве трех душ.

– Не желаете ли...

– Нет. Всё потом. Я плохо себя чувствую, – холодно ответил Михаил.

– Пригласить к вам врача?

– Нет. Может быть, завтра, если... В общем, не надо.

– Проводите господина Севастьянова в спальню! – скомандовал Мэйнслэйв.

Одна из горничных заботливо взяла Михаила под руку и повела в дом. Интерьер готовился по личному проекту Михаила, поэтому он помнил, где должна находиться спальня. Теплые и очень ласковые руки сняли с Михаила всю верхнюю одежду.

– А теперь – спать... – откуда-то сверху сказал невероятно родной женский голос.

Михаил засыпал. На границе сна и яви его ошпарило притуплённое чувство стыда за грубость с Мэйнслэйвом и горничной. Но секунду спустя эту горечь уже заглушила волшебная анестезия глубокого забытья.

Рыжевато-красные лучи марсианского солнца последний раз скользнули по черепице особняка А19. Это был первый марсианский закат Михаила. С заходом солнца на бульваре да Винчи вспыхнули галогеновые огни. В комнатах первого этажа также зажегся свет – горничная точно и аккуратно выполняла свои обязанности, оберегая сон космического скитальца. Электронная начинка дома чутко анализировала данные от сотен биодатчиков, рассредоточенных по кровати. Все было подчинено единой цели – сделать новую жизнь обитателя счастливой и беззаботной.

* * *

Михаил видел сон. Или это сон, опутав истощённое тело Михаила, смотрел на него. Изучал.

Снились лица из прошлой жизни. Секретарши со злыми причёсками. Синие костюмы топ-менеджеров, как всегда, слишком тесные в талии. Столы, ряды столов из дешевого алюминия. Атомный император в сопровождении свиты роботов.

Всё кружилось как в снежном вихре. Из него то и дело выскакивали планшеты с срочными задачами. Карточки и ай-ди. Михаил попытался кричать, но воздуха не было. В самый последний момент, когда он был готов задохнуться, мир завибрировал. С неба полился Шопен, и он дышал им, жадно поглощая аккорды и ноты.

Музыка незаметно сошла на нет, и других снов Михаил в эту ночь не видел.

* * *

Утро. Затемнённые стекла в панорамных окнах постепенно светлели, готовясь впустить в просторные комнаты каждый фотон утреннего марсианского солнца. Пение птиц за окном заставило особняк слегка приоткрыть их – дом знал, что это обязательно напомнит Михаилу о детстве, когда он вставал пораньше, чтобы встретить последний рассвет летних каникул.

Браслет, предусмотрительно оставленный на тумбочке возле кровати, ласково завибрировал, готовя владельца к пробуждению.

Информация с тысяч датчиков готова к отправке.

– Отправляйте, – скомандовала Система.

– Есть какие-то серьёзные угрозы?

– Незначительный сбой нейромедиаторов, беспокойный сон. Для большей точности нужно провести ряд дополнительных исследований.

– Я внесу это предложение, – отвечала Система.

Михаил открыл глаза и осмотрел комнату. Рефлекторно напрягся, готовясь к чему-то плохому. Тишина. Всё хорошо. Всё в порядке.

– Желаете умыть лицо в постели? – деликатно поинтересовалась Система.

– Нет-нет. Я сам.

– Позвольте порекомендовать вам несколько лекарственных модулей. Они помогут сгладить акклиматизацию.

Столик возле Михаила запульсировал мягким светом. На тонкой бумажной салфетке – три разноцветные пилюли.

– Рекомендую синюю. Или зелёную, если вам совсем не по себе.

Михаил кивнул. Мини-дрон со стаканом бесшумно приземлился на столике. Поразмыслив, Михаил выбрал синюю облатку, положил её в рот и запил водой.

– Вкусная вода, – Михаил вспомнил последний глоток перед криосном.

– Рада, что вам понравилось.

Посреди столика возникла голограмма.

– Пожалуйста, выберите завтрак из утреннего меню.

Михаил вяло поводит рукой, перелистывая неосязаемые страницы.

– Омлет, – сказал он и снова упал головой на подушку.

Система «обрадовалась»: алгоритм определения кулинарных предпочтений сработал лучше, чем предполагалось.

– Хорошо, – пункт в меню подсветился зелёным, – когда подать завтрак?

– Через десять... нет, пятнадцать минут.

– Как скажете, господин Севастьянов.

Полежав ещё полминуты, Михаил собрался с духом и встал. Покачиваясь, он спустился по белой деревянной на ощупь лестнице в столовую. В кухне цвета мокрого асфальта на длинном столе Михаила уже ждал завтрак. Горничные, по-видимому, ушли, так что завтракал он в полной тишине. Только хруст свежих тостов и стук вилки об эмалированную тарелку, на краях которой золотом напечатаны слово Aден и девиз отеля – Annuit Coeptis. Надпись заворожила Михаила. Когда-то давно он уже видел её, но никак не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах. Система тем временем незаметно проверяла мелкую моторику через встроенные в столовые приборы датчики.

Закончив есть, Михаил отложил приборы.

– Извините! – сказал он в пустоту заботливого особняка.

– Да, господин Севастьянов, – ласково отозвалась Система.

– А где весь персонал?

– Я попросила всех временно покинуть дом. Судя по всему, вы хотели провести это утро в одиночестве. Я угадала?

Михаил кивнул. Затем, на всякий случай, ответил голосом:

– Да, угадала... угадали!

– Я рада. Если хотите, могу вернуть всех к ужину. А чуть позже мы с вами составим расписание, кого и когда вы хотите видеть в доме.

– Хорошо.

Михаил выпил сок. Сознание наконец окончательно прояснилось.

– Чем вы хотели бы сегодня заняться?

Промолчав, Михаил встал и по земной привычке донёс посуду до машины – Система мудро не посмела ему возразить.

Душ находился на втором этаже. Вот чего действительно хочется после целого месяца в заморозке.

В кабинке на Михаила сразу же хлынули струи тёплой, слегка бирюзовой воды. Даже включать ничего не нужно. Рукотворный дождь. Мысли мечутся между Землей и Марсом, застревая в плотном тумане памяти. Шёпот стюардесс, проходящих мимо криогенной камеры, пронзающий тело холод и парализующий душу страх.

Он вспомнил, как не то на двадцатый, не то на восемнадцатый день полёта ему вдруг захотелось закричать в сковавшем его саркофаге. И не смог. Тело, бывшее ранее верным слугой, впервые отказалось подчиниться.

Из глаз Михаила потекли слёзы. Всё закончилось, он больше не увидит Земли. Ни страданий, ни боли. Больше не надо бежать по лезвию бритвы. Аден укроет его. Навсегда.

Михаилу вдруг захотелось позвать Систему, но он не стал. Боль воспоминаний, пронзившая душу, уже стихала. Вода потеплела, и скоро вся комната наполнилась тяжёлыми клубами пара. Стоя посреди кабинки, легко было представить себя пленником криогенной камеры. Нарочно причинить себе эту боль и радостно вспомнить, что все позади. Наконец, наконец, после долгих скитаний, в неполные тридцать три года я прибыл домой. Домой, где я проживу долгую и беззаботную жизнь. Домой, где уже много лет меня ждет, черт возьми, мое персональное счастье.

Севастьянов поднёс руку к голографическому меню и жестом выключил душ. Строчки меню потихоньку угасли, и поток воды стих. Включившаяся в ту же минуту система кондиционирования не позволила воздуху остыть слишком быстро, а мягкие полотенца из гидрофильной ткани тщательно собрали влагу с чистого тела.

Михаил взглянул на сморщенные подушечки пальцев. Почему-то именно сейчас они сильно позабавили его. Он словно на миг вернулся в детство, где, утопая в огромном белом полотенце, так же как сейчас, он рассматривает морщинистые от долгой ванны руки и беспри-

чинно смеётся. Это воспоминание заставило улыбнуться. В окне, выходящем в небольшой сад на заднем дворе, проглянуло солнце.

– Как же давно я просто так не смотрел на него. Даже отсюда... оно всё-таки прекрасно.

* * *

Михаил быстро оделся и уже хотел было спуститься на первый этаж, как вдруг его внимание привлек чей-то взгляд. Из глубины комнаты на него с любопытством взидала девушка с жемчужной серёжкой. Любимая картина, репродукция которой висела в его квартире там, на Земле.

– Нравится, господин Севастьянов?

– Да, да... Спасибо.

– Я очень рада. Вы наш особый гость, поэтому вам доставили подлинник из личной коллекции Председателя совета директоров Адена. Картина пробудет у вас неделю, чтобы вы могли ею как следует насладиться.

– Спасибо, спасибо вам! – прошептал Михаил.

Молодая голландка смотрела на него сквозь сотни лет и миллионы километров. Каждое мгновение она готова была отвернуться и продолжить заниматься тем, от чего отвлек её Вермеер. Михаил почти услышал брошенное ему незнакомкой «И что?..», но не нашёл с ответом.

В саду, куда можно было попасть через заднюю дверь, его ждал ухоженный розарий, дорожки из мелкой гальки, окантованные белыми бордюрами, небольшой пруд с киберкарпами и уютная беседка с гамаком. Михаил именно так и представлял себе свой идеальный сад. Он забрался в гамак и с упоением наблюдал, как солнце проходит сквозь листву.

Система снова его поразила.

– Сад принят. Далее – тур по Адену. Обследование. Расчёт необходимой программы физической нагрузки. – Система считывала эмоции гостя и работала над включением новых модулей.

– Сколько он проживёт?

– Расчётное время жизни – 110–115 лет, – сообщил алгоритм.

– Произведите расчёт ресурсов в эде, – распорядилась Система.

– Спит. Какой у него плавный пульс! Быстро восстанавливается после путешествия, – шепнула Медиана, программа, отвечающая за медицинское сканирование.

Система лишь усмехнулась.

– Он станет счастливым. Этот человек станет счастливым. Я обещаю это вам, ему и моим создателям.

Cursus Honorum³

Марс. «Аден»

5 сентября 2137 года

В большом светлом помещении за чёрным, как космическая бездна, сенсорным столом сидел человек. Его каштановые волосы были уложены в причёску «финский домик». Пальцы мужчины, бегая по тачтейблу⁴, набирали текст очередной директивы. Через полчаса она будет получена Бернским отделением депозитария Всемирного Технологического Банка⁵.

– Господин Шилленберг ожидает в приёмной, – сообщил приятный женский голос.

– Спасибо, Стелла. Пусть войдёт.

Матовые двери с орнаментом в виде сверхскопления Девы распахнулись. Вошедшему едва ли можно было дать больше сорока пяти лет. Лицо Вальтера излучало спокойствие. При виде человека за столом он улыбнулся. Слегка качнул головой в знак приветствия.

– Доброе утро, Норман!

– Вальтер! Присаживайтесь. – Короткий шрам на левой щеке от улыбки изогнулся латинской буквой S.

Слева от хозяина кабинета из пола выплыло чёрное кресло.

– Ну и как у нас дела? – дождавшись, пока посетитель сядет, спросил он.

– Ключевые показатели эффективности находятся в целевом диапазоне. Данных о сбоях или проблемах, требующих непосредственного участия, не приходило.

Хозяин кабинета кивнул в знак одобрения.

– Что у нас на политическом фронте? – сказал он, запустив проверку текста директивы на ошибки и неточности.

– В Парламентскую ассамблею⁶ от Южноафриканской Зоны Стабильности⁷ и Восточноафриканского военного протектората⁸ прошли наши знакомые.

– У вас есть материал на них?

– Разумеется.

– И? – мельком взглянув на текст директивы, он нажал кнопку «Отправить».

– Думаю, мои эмиссары найдут с ними общий язык.

– Договорились. – Он по привычке принялся постукивать пальцами по тачтейблу и случайно запустил несколько приложений. Пришлось заблокировать экран, чтобы возобновить это бессмысленное занятие. – Теперь давайте-ка по отраслям...

Вальтер приложил к тачтейблу запястье с браслетом и извлёк на экран комплект документов. Плавным движением, словно кёрлингист, подтолкнул его в сторону собеседника.

³ Cursus Honorum (с лат. – путь чести) – последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера древнеримских политиков сенаторского ранга.

⁴ Тачтейбл (с англ. *touchtable*, буквально – сенсорный стол) – стол, столешница которого представляет собой сенсорный экран.

⁵ Всемирный Технологический Банк (ВТБ) – основан альянсом крупнейших ИТ-компаний после Великого инфляционного удара. По состоянию на 2137 год структуры Нормана Элдера контролируют 32,3 % голосующих акций банка.

⁶ Всемирная Парламентская Ассамблея (ВПА) – мировой парламент, созданный на фундаменте Организации Объединённых Наций. Включает в себя депутатов от всех территорий планеты, кроме так называемых неподконтрольных территорий. Штаб-квартира ВПА расположена в Оттаве (домен «Канада»).

⁷ Южноафриканская Зона Стабильности – одна из стратегических территорий. Находится под особым управлением Исполнительного комитета ВПА. Особое управление создано с целью не допустить разрастания неподконтрольных территорий на Африканском континенте.

⁸ Восточноафриканский военный протекторат – одна из стратегических территорий, находится под прямым управлением Исполнительного комитета ВПА. На территории постоянно присутствует объединённый контингент вооружённых сил под мандатом ВПА. Военная и гражданская власть возложена на генерал-губернатора.

– Вижу, что продажи на «Америку» упали.

– Да, но это сезонный фактор. Пятнадцать процентов не скажутся на конечных показателях. Плюс мы уже запустили стимулирующую акцию. Корабль отбывает только через неделю. Думаю, процентов семь-восемь спада мы отобьём.

Человек за столом щелчком послал первый документ в папку с прочей отчетностью и сразу же принялся за изучение следующего. Все это время Шилленберг не сводил от него глаз.

Безмятежность Вальтера была обманчивой. Его мозг, словно компьютер, каждую секунду проводил множество операций. Сейчас, пока его босс изучал отчёты, большая часть мыслей Вальтера была обращена к секретной дипломатической депеше из Пакистанского военного протектората⁹. Ее пунктом назначения была штаб-квартира Мировых миротворческих сил в Вене. Вальтер получил депешу менее часа назад. В послании содержалась информация крайне противоречивого характера, которую ему предстояло хорошенько изучить.

– А что по воде?

Вальтер отвлекся от размышлений. Не давая собеседнику заметить посторонний ход мыслей, переключился на заданный вопрос.

– В этом квартале расходы увеличились на два с половиной процента. Это не критично. Думаю, во второй половине следующего года проблема с водой будет полностью решена, и мы перестанем зависеть от внешних источников.

– Проект «Посейдон»?

– Именно.

Хозяин кабинета изучающе посмотрел на Вальтера.

– Надеюсь, сроки не из пальца высосаны?

– Ни в коем случае.

Ещё один документ исчез со стола.

– А как дела с «Азией»?

– Корабль будет у Марса в срок. Возможно, на пару часов опоздает.

– Новые постояльцы на платиновый уровень?

– Да. Все необходимые распоряжения сделаны.

В комнате повисло молчание. Человек за столом бегло просматривал отчеты. Закончив, он откинулся в кресло, потирая виски.

– Что с собранием Совета?

– Все получили приглашения. Повестка дня утверждена. Кворум для принятия будет собран.

– Значит, как обычно. После Большой игры. Вот ещё что, с учётом последних новостей от Меффера, добавьте в повестку проект «Гелиос-3».

– Будет сделано. Не желаете вместе пообедать?

Норман Элдер посмотрел на часы, затем на Вальтера.

– Не сегодня. Вы свободны, Вальтер. Жду вас на вечернем отчёте.

Шилленберг кивнул, быстро встал из-за стола.

Перед тем как покинуть комнату, он обернулся к Элдеру:

– Забыл сказать, сегодня в «Альбукерке» подают отличный гаспаччо.

По лицу Нормана скользнула первая за всё это время улыбка.

– Хорошо, учту.

– Приятного дня.

Мужчина встал из-за стола, потянулся. Затем достал из шкафа тонкий серебряный портсигар. Курение на «Адене» было строжайше запрещено. Единственным, кто втайне позволял

⁹ Пакистанский военный протекторат – одна из стратегических территорий, находится под прямым управлением Исполнительного комитета ВПА. Режим управления аналогичен режиму в Восточноафриканском военном протекторате.

себе это сомнительное удовольствие, был Норман Элдер, президент и председатель Правления марсианского гранд-отеля «Аден». Владелец контрольных пакетов десятков компаний. Один из самых богатых, а по некоторым данным и самый богатый человек на Земле и Марсе. Человек, без которого на Красной планете не принималось ни одного важного решения.

– Стелла, включите вытяжку.

В недрах здания еле слышно загудели насосы, и Норман почувствовал, как воздух в комнате пришёл в движение. Он сделал глубокую затыжку и выпустил облачко бледного дыма. Закинув ноги на стол, он до часа дня изучал свежие отчёты. Составил видеообращение для Альфреда Патта из земной Парламентской ассамблеи. Отправил. А после отправился на ланч в рекомендованное Вальтером заведение.

Вальтер

Марс. «Аден»

5 сентября 2137 года

– ...посему мы требуем для «Адена», де-юре и де-факто являющегося отелем за пределами юрисдикции Земли, как минимум, – искажённое помехами лицо Элдера посуровело, – понижения налоговой ставки на прибыль. Вальтер Шилленберг, мой поверенный, уже направил вам необходимые документы. Жду решения.

Альфред Патт с раздражением смахнул лицо Элдера с дисплея. Щелчком по носу. Встал. Надо размяться и подумать.

– Кофе, как обычно. Закажи мне файлы на Шилленберга. Досье, биография. Всё, что найдется. – Патт отпустил кнопку селектора. Архаичная, но удобная штука. Случайно не нажмёшь, да и подслушать не получится.

Так, с Элдером всё понятно. Из кожи вон лезет, чтобы убежать от Земли. Нахальный коммерс... Патт сглотнул. Отказать тоже не получится, он уже видел письмо Шилленберга. Пролистал – не подкопаться.

Как посмотрят в Ассамблее? Что будут говорить? Продажный Патт. Слабый Патт...

– Ваш кофе, – ассистент зашел без стука. Поставил чашку на край стола. – Запросили про Шилленберга. Я вам так скажу: до последних пяти лет информации завались. Целая биография.

– А потом?

Ассистент уже в дверях пожал плечами:

– Только косвенные упоминания. Как будто отошёл от дел. Но при этом мелькает везде, где пахнет жареным. Или деньгами. Всё скину на тачтейбл.

Спустя минуту браслет на запястье Патта вздрогнул – файлы на столе. Что там... Ага. Ранняя биография, характеристики работодателей. Альфред развернул первый файл. Погрузился в чтение.

***Инецца Арктур, статья «Швейцарский змей».
Neue Zürcher Zeitung, выпуск № 4 от 2129 года***

Вальтер Шилленберг известен нам как блестящий политик. Экспредседатель правительства кантона Шаффхаузен и человек, благодаря которому Швейцарская Народная Партия добилась абсолютного большинства в Национальном Совете. Но шестнадцать лет назад он, не прощаясь, покинул политическую арену. Дальнейшая его судьба практически неизвестна рядовому читателю. Господин Шилленберг променял лавры белого короля Швейцарии на сутану теневого кардинала Европы. Его таланты, связи и безупречная репутация теперь служат козырной картой в переговорах воротил мировых компаний. Нам удалось добиться права на эксклюзивное интервью с господином Шилленбергом.

– Господин Шилленберг...

– Можно просто Вальтер.

– Вальтер, в первую очередь я хочу поговорить с вами не о внезапной отставке из правительства Шаффхаузена, а о том, что вас туда изначально привело. Откуда тяга к политике, Вальтер?

– Знаете, никто из моей семьи – во всяком случае, из тех родственников, которых я имею честь знать, – никогда не был во власти. Прадед со стороны матери, урождённый немец, перебрался в Швейцарию в середине XX века, сразу после большой войны.

– Может быть, родители?

– И тут мимо. У них было скромное производство под Беггингеном... Ничего серьёзного. Отец днями пропадал на заводе. Его любили рабочие. Так что воспитала меня мама. Очень спокойная, чуждая политике и амбициям женщина. После школы я поступил в университет Берна. Финансы и управление – это, без сомнения, отцовское влияние. Но бизнес меня тогда интересовал мало. Ещё до выпуска меня приглашали на заводы, в технологическую отрасль... Скучно. На первом году я поступил в студенческий совет. Затем – профсоюз. Интерес к партии. А дальше вы знаете, моя биография кристально прозрачна.

– Вы лукавите, Вальтер. Как насчёт событий 2113 года?

– Видите ли... Национальный политик имеет некоторый потолок роста. Глава города, кантона, затем при большой удаче – член Федерального Совета. При всей моей любви к родине, это не тот масштаб.

– Швейцария вам мала?

– Как вы можете знать из новостей, мне даже Земля мала. (*Смеётся.*)

– Вы говорите о первой колонии на Марсе? Я...

– Не колония. ОТЕЛЬ. Лучший отель, не побоюсь этого слова, в солнечной системе.

– Вы чувствуете себя оторванным от Земли? Всё-таки, Марс – это даже не Луна.

– Верно. Это не Луна. С вашего позволения, Лунград – это глушь. Тихая гавань для бизнесменов и политиков, желающих спокойно встретить старость подальше от земных волнений. К тому же Луна – это прошлый век. Человечеству нужно расширять горизонты. Neues Land für neue Anfänge – новая земля для новых начинаний. И Марс как нельзя лучше подходит под эту формулировку. Когда господин Элдер предложил мне должность своего ассистента, я не сомневался ни единой минуты.

– Вы поняли вопрос слишком превратно. Я имела в виду физическую удаленность Марса от Земли. Как это сказывается на вашей работе? Постоянные перелёты не утомляют вас?

– Как и любого человека. Однако большую часть времени я провожу именно на Марсе. Там достаточно работы, чтобы не тосковать по родине. К тому же у меня много друзей на Земле. Это помогает держаться в курсе событий...

С раздражением Патт отбросил файл на дальний конец тачтейбла. Всё понятно. Вместо себя Элдер пришлет свою правую руку. Решалу, у которого много друзей! Скорее, много запуганных душ и сексотов. Патт фыркнул и протянул руку к селектору, чтобы вызвать секретаря. Если Марс хочет особых привилегий, им придется иметь дело с ним.

– Вызовите юриста на пять часов. И, пожалуй, экономиста. Пусть прихватят всё, что у них есть по налоговой базе Марса.

Ещё повоюем.

* * *

Гаспаччо в «Альбукерке» и правда оказался чудесным. Элдер вытер губы салфеткой и усмехнулся. У Шилленберга всегда всё самое лучшее и свежее: новости, связи, предложения. Даже еда.

Дьявольски хотелось курить, но вне собственного офиса Элдер редко потакал своим слабостям. Ни к чему расслаблять персонал или уже через полгода мы все начнем задыхаться от дыма. Поэтому он запустил руку в нагрудный карман и достал коробочку с кристаллическим сахаром. И легкие не в обиде, и для головы хорошо.

Он вышел из-за стола и пересел на двухместный диванчик в углу приватной комнаты. Задумался. А ведь сегодня – или вчера? – нет, всё-таки, сегодня. Пятое сентября. Ровно десять лет, как он взял на работу Шилленберга.

Взял на работу. Нет, это не про Вальтера. На работу берут прислугу – горничных, инженеров, секретаря. Здесь нужно какое-то другое слово...

Вальтер интеллигент и интеллектуал. Прекрасные манеры, ни морщинки на рубашке или костюме. Спокойный, уравновешенный и дотошный. Но это не главное. Дотошных немцев на свете пруд пруди. Вальтер – незаменимый. Он учетверяет мои собственные мыслительные способности. Помогает принимать вдесятеро более правильные решения. Личный ангел-хранитель.

При этой мысли Элдера разобрал смех. Ангел, как же. Это верный, вездесущий и приветливый дьявол!

Нет задач, которые ему не под силу. И нет средств, слишком больших для решения этих задач. Шантаж, саботаж и подкуп – всё идет в дело. Стоит отдать должное прежним нанимателям Вальтера – они не злоупотребляли его умениями.

Богатое прошлое, без сомнения, можно отнести к достоинствам Шилленберга. Правило шести рукопожатий с ним часто сужается до одного-единственного. И это при том, что уже несколько лет Вальтер почти не покидает Марс. Каждый полёт на Землю – целое событие. Для тех, кто знает этим полётам цену.

Пора за работу. Элдер прикончил последний сахарный кристалл и поднялся с дивана. Вот оно, нужное слово. Элдер не брал Шилленберга на работу. Он подписал с ним контракт.

* * *

Утром 5 сентября 2137 года Вальтер с особым нетерпением ждал новостей из Оттавы, где была расположена Мировая Парламентская Ассамблея, из штаб-квартиры объединённого командования миротворческими силами, которая находилась в Вене, а также из Исламабада, столицы Пакистанского военного протектората.

Внешне Вальтер не выказывал ни единого признака беспокойства. Он пил утренний кофе и читал статью в популярном деловом журнале. Собственно, он же эту статью заказал и теперь ещё раз с удовольствием перечитывал материал талантливого молодого журналиста. На экране тагчтейбла появлялись новые сообщения. Они послушно выстраивались в очередь и смиренно ждали, пока Вальтер обратит на них внимание. Новые донесения агентуры. Сделав глоток и отложив журнал в сторону, Вальтер принялся разбирать корреспонденцию.

Отчёты поражали глубиной фактов. Кое-где попадались авторские комментарии. В такие моменты Вальтер недовольно морщил нос. Он любил факты и не любил чужую аналитику. Редкий человек способен к глубокому, всестороннему, а главное, беспристрастному анализу.

Новости были более чем интересные. Из Оттавы пришел донос о принятии резолюции по Южному Афганистану. Очередной номенклатурный пшик.

Если бы они выпускали не резолюции, а ракеты, Южный Афганистан уже давно зачистили бы от боевиков. А так – трёп политических импотентов и неудачников.

Но сам факт был чрезвычайно важен. Значит, намечаются какие-то события. Недолго думая, Вальтер запросил у своего источника дополнительную информацию.

– Так, что у нас здесь еще интересного?

Из Берна пришло сообщение об уходе бургомистра в отставку. Жаль. Пауль Йозеф Шмидт был приятелем Вальтера ещё по Бернскому университету. Теперь придётся протащить на пост нового подходящего человека.

Вальтер накидал в блокноте шорт-лист претендентов во главе с Марией Анжелой Агафель. С минуту посидел над списком, вычеркивая неподходящих кандидатов.

– И всё-таки Мария.

Через минуту по зашифрованному каналу в Берн летело имя претендентки. Чтобы не терять времени, Вальтер сразу надиктовал текст поздравления с назначением на пост и поставил его в очередь на отправку.

Через полчаса придётся закончить с донесениями и поспешить к Элдери на отчёт. А пока... Шилленберг глотнул кофе и глянул в окно на свой скромный и аккуратный сад, маленький даже по марсианским меркам. Утро только начинается.

В гостях у Атомного Императора

Марс. «Аден»

7 сентября 2137 года

Прошло десять дней с момента, когда Михаил впервые ступил на Красную планету. Всё это время ушло на то, чтобы привыкнуть к марсианской гравитации и обжить новый дом.

Почти каждый день его навещал доктор. Михаил принадлежал к той небольшой части пассажиров, которым марсианская акклиматизация давалась особенно тяжело. После первичного обследования стало ясно, что корень зла – заморозка на фоне неудовлетворительного состояния здоровья. Михаил быстро шёл на поправку. Голова не кружилась, бледность ушла с лица. Он стал лучше спать. Хандра и апатия постепенно сменялись живым любопытством и жадной впечатлительностью. По утрам он делал лёгкую зарядку в саду, завтракал и смотрел земную программу новостей. Ежедневно его навещал Майкл Мэйнслэйв со свежей подборкой «важных» дел на сегодня. Иногда Михаил сам изъявлял желание побродить по «Адену». В первые дни за ним неотступно следовал анбординг-менеджер. Мэнслэйв не только исполнял мелкие просьбы, но и выступал в роли экскурсовода.

– Конечно, господин Севастьянов, Система сама прекрасно знает, что вам порекомендовать и куда сводить, но позвольте и мне придать несколько штрихов портрету «Адена».

Михаил кивал, слушал Майкла, но всё делал по-своему.

Своё десятое утро на Марсе Михаил привычно начал с зарядки, после чего сделал несколько кругов в случайно открытом бассейне. Ландшафтный дизайнер расположил его в дальнем уголке сада, чтобы сделать гостю приятный сюрприз. После завтрака Михаил планировал снова предаться марсианской праздности, которая была уготована ему до конца дней. Но его послеобеденный сон был нарушен входящим сообщением – оно деликатно пошевелило браслет на левом запястье. Михаил нехотя приоткрыл глаз и поднёс к нему дисплей браслета. В ту же секунду сон полностью слетел с Михаила, и он в волнении сел на постели, пытаясь осмыслить прочитанное. Это было приглашение на встречу с Эриком Меффером.

Собираясь, Михаил терялся в догадках. Зачем Меффер пригласил его? Что нужно человеку, который управляет Объединённой Атомной Корпорацией¹⁰ от простого служащего компании, да и то бывшего.

Возможно, им движет любопытство? Или он просто хочет пропиариться за мой счёт? Да, могу представить. Отличная реклама со слоганом: «Работай в ОАК, и старость встретишь на Марсе» или что-нибудь в этом духе. Меффер, Меффер. А может, не ехать? Он ведь мне больше не начальник.

Михаил готов был придумать тысячу и одну причину, почему он не может принять приглашение. И всё же что-то из его старой жизни упорно хотело встретиться с великим и ужасным Атомным Императором, как прозвали его журналисты и блогеры. Посмотреть ему в глаза, послушать его речь, даже если каждое слово будет пропитано корпоративной ложью. Оценить манеры и жесты и, в конце концов, если все звезды сложатся, задать Мефферу собственные вопросы.

Электромобиль домчал Михаила до роскошного особняка Меффера на бульваре Циолковского за считанные минуты. Белый дом с красной черепичной крышей, белый забор из камня, увенчанный пышной шапкой зелени. Михаил прошёл сквозь открытую калитку и за несколько шагов до массивной деревянной двери инстинктивно достал из кармана носовой

¹⁰ Объединённая Атомная Корпорация (ОАК) – энергетическая компания, созданная после большой сделки 2089 года между тремя крупнейшими компаниями мира. В дальнейшем поглотила более мелких игроков и к 2110 году стала монополистом в сфере атомной энергетики.

платок. Вытер туфли, после чего нажал на крошечную кнопку звонка. Дверь открыл настоящий дворецкий из плоти и крови. Михаил испытал разочарование. Он был наслышан о любви Меффера к технике и ожидал увидеть в дверях навороченного робота, а не сухого лысеющего старичка в костюме-тройке.

Дворецкому, судя по всему, уже перевалило за сто тридцать. С достоинством, в котором застыли вековые традиции старой Европы, он пригласил Михаила войти. С тем же достоинством он принял у Михаила куртку и проводил в гостиную, где, сидя в тёмном кожаном кресле, уже ждал Атомный Император. Ещё одно такое же кресло пустовало.

– А-а-а. Господин Севастьянов! Рад. Очень рад! – Меффер тепло пожал руку Михаила. Он был высок и смугл. Голова гладко выбрита.

– Здравствуйтесь, господин Меффер, – рука Михаила утонула в медвежьей лапище Императора.

– Я узнал, что вы работали в нашей компании и решил, что просто обязан встретиться с вами лично. Добро пожаловать в мою скромную обитель.

Михаила изумили слова «наша компания». Это было последнее, что он ожидал услышать от Эрика Меффера, едва ли не самого могущественного человека Голубой планеты. Миллионы вопросов готовы были вырваться из Михаила неудержимым потоком. Пересилив себя, он улыбнулся хозяину дома и максимально непринуждённо ответил:

– Да, работал.

– Что ж, всегда интересно послушать мнение своего бывшего сотрудника! Впрочем, это может подождать. Хотите чаю или кофе? Алкоголь в моем доме, простите, не держат. Думаю, мы остановимся на чае? Там, откуда вы родом, предпочитают чай. Я угадал?

Михаил позволил себе ещё одну улыбку и кивнул.

– Всё верно, господин Меффер.

– Прошу вас, – добродушная улыбка Эрика сбивала с толку и никак не вязалась с образом Атомного Императора, известного Михаилу по статьям и блогам. Хозяин жестом пригласил Михаила сесть в одно из двух кожаных кресел, стоящих посреди гостиной.

– Вы ведь были скрам-мастером второго уровня, не так ли?

– Именно так.

– А приходилось бывать в африканских филиалах?

Михаил, кажется, понял, почему Меффер задал этот вопрос. В 2121 году урановые рудники в Центральной Африке охватили волнения. Рабочие бастовали, и Меффер в условиях Глобальной Нестабильности¹¹ принял прагматичное решение: рабочие получили надбавки, но вскоре были заменены роботами и уволены.

«Мы не можем позволить себе волочиться в хвосте прогресса. Отрасль диктует, чтобы корпорация шла в ногу со временем и требованиями даже не сегодняшнего, а завтрашнего дня, – говорил Меффер на годовом собрании акционеров. – Роботизация всеобъемлюща и масштабна, и только мы до поры до времени воротили нос от этой необходимой очевидности».

Результаты не заставили себя ждать. Уже в следующем году ОАК добились впечатляющих прибылей, а в городах близ урановых копей начались протесты, переросшие через три месяца в вооруженные столкновения.

Но всё это было в прошлом. Здесь, сидя в уютном кожаном кресле, дыша кристально чистым воздухом без запаха жжёных покрышек и горящей плоти, посреди роскоши и рядом с сильным мира сего, Михаил почти верил, что воспоминания, вспыхнувшие у него в голове, это – так, пустяк. Лицом к лицу войны не увидеть.

¹¹ Глобальная нестабильность – термин, применяющийся к цепочке политических и социальных катаклизмов, которые разразились на Земле в начале XXII века.

Мы ведь избежали ядерной войны. И «Аден» – чем не доказательство, что всё может быть иначе. Города на Земле со временем отстроятся. Люди привыкнут к машинам. Появятся новые профессии, отрасли. Всё будет хорошо...

– Михаил, вы о чём-то задумались?

– Ничего особенного, – Михаил быстро вернулся в реальность, натянуто улыбнулся.

– Кажется, я должен перед вами извиниться. Второй вопрос и сразу про работу. Профессиональная деформация. Думаю, вы должны меня понять... Вы ведь были у нас на хорошем счету – я навел справки... Сменим тему. Немедленно! Вы уже больше недели живете на Марсе. Как вам у нас, то есть, я хотел сказать – здесь?

– Здесь приятно.

– Приятно? Ну да, ну да, – усмехнулся Меффер. Его непринужденность всё больше располагала Михаила.

– Господин Меффер?

– Зовите меня Эрик.

– Эрик, скажите, а вы сами здесь давно?

Михаил не хотел задавать этот вопрос, но сознание отчаянно сбоило. Приходилось выпутываться. Не получалось нащупать нужную тональность и суть разговора. По-прежнему казалось, что разница между ним и собеседником чудовищно велика. К досаде Михаила, Меффера эта проблема не терзала.

– Я здесь почти вечность.

Слово «вечность» Его Атомное Величество сказал без пафоса, как бы констатируя факт своей биографии. Таким же тоном он мог бы произнести: «Я окончил школу в шестнадцать лет».

Откуда-то из глубин дома возникла миниатюрная девушка в белоснежном передничке. Она молча расставила чайные чашки, блюдца и заварочный чайник.

– А вот и наш чай. Угощайтесь, Михаил. Че кы ча фейчанг хаохы¹², как говорят мои восточные партнеры. Вы пьёте без молока?

Пока пили чай, Эрик развлекал Михаила марсианскими байками. Среди них была история о двух первых сёстрах-близняшках, которые родились на Марсе и обладали, по слухам, экстрасенсорными способностями. Выяснив посреди беседы, что Михаилу интересна атомная тема, Меффер не смог устоять перед соблазном и достал из сейфа планшет.

– Теперь всё здесь, Михаил, – с особой теплотой в голосе сказал Эрик. – Всё, что нужно для управления планетарной компанией. Сколько урановой руды добыли сегодня, за неделю, за месяц. Сколько киловатт-часов энергии выработали наши станции. Всё здесь. Вершина корпоративной аналитики. Века технологической эволюции, и вот я управляю компанией, сидя на другом конце солнечной системы с помощью одного маленького устройства. Вы же как раз работали по части аналитики?

– Да. Вернее, перевелся из отдела по работе с изотопами, – Михаил сделал глоток и поставил чашку. Слишком крепко.

Меффер продолжал вертеть в руках любимую игрушку:

– А хотите взглянуть?

– Не откажусь, – Михаил отставил фарфоровую чашечку с иероглифом #. Взял из рук Меффера планшет.

Перед ним предстало все нутро обширных владений Атомного Императора. За каждой цифрой, за каждым колебанием графика скрывался труд тысяч рабочих рук, тысяч механизмов и тысяч мыслей. Где-то в сотне миллионов километров корпоративный механизм работал, и всё это, хоть и с задержкой, отражалось на экране устройства. Всего один тап, и сотня городов

¹² #####(кит.) – этот чай очень вкусный.

останется без света. Один тап, и можно обрушить фондовый рынок. Раз – и творческий ум тысяч сотрудников, помноженный на силу самых мощных и разумных машин, начнёт выполнять любую волю владельца планшета.

– Как вам интерфейс? По-моему, конфетка! – поинтересовался Меффер.

– Очень продуманный.

– Его разрабатывало наше IT-бюро. Конечно, какие-то компоненты мы отдавали на аутсорс в компанию Тома Реда. Вы ведь знаете Тома? Но большую часть кода писали наши ребята. Кстати, о корпорациях. Вы же выиграли безлимитный платиновый билет!

– Иначе меня здесь не было бы.

– Да-а, – протянул Меффер, – Гениальная маркетинговая акция Вальтера. Пожалуй, это самый потрясающий момент в вашей жизни?

– Пожалуй.

– До этого вы жили в зоне стабильности? Конечно, конечно! Я бы не простил себе, если бы наши менеджеры подвергались опасности.

Михаил не понял, лукавит Меффер или всё-таки искренен.

– А где именно вы жили? В Северо-Европейской зоне?

– В Русско-Евразийской.

– Скажите, здесь стало лучше? Я имею в виду нематериальный аспект. Стали лучше себя чувствовать? Лучше спать?

Разговор с Меффером всё больше походил на интервью. Казалось, Эрик жадно пытается восполнить недостаток информации. И по какой-то причине Михаилу нравилось отвечать и рассказывать.

– Да, здесь мне намного лучше.

– И мне. Всё-таки Норман великий человек. Я имею в виду Нормана Элдера, председателя.

– Я знаю, кто это. Я получил от него телеграмму на третий день в «Адене».

– Конечно, Норман теперь будет присматривать за вами. Так о чем это я? Ах, да. Норман Элдер – великий человек. Построить все это, – Меффер развёл руками, – посреди безжизненной марсианской пустыни... Знаете, Михаил, я ведь почти не летаю на Землю, настолько чувствую себя здесь дома.

– А ваша семья?

– Моя семья здесь. Михаил, а что для вас «Аден»?

Михаил задумался над ответом.

– Рай?.. – неуверенно произнес он.

– Рай. Ну да, ну, да. Отдел клиентского опыта не зря ест свой хлеб. А я вам скажу, «Аден» – это всего лишь витрина.

К Михаилу неожиданно вернулось чувство, преследовавшее его всю первую неделю на Марсе. Чувство погружения в terra incognita¹³ – холодную, тёмную и таинственную.

– Да, Михаил. Я не шучу. Разумеется, все мы, стены, сервис, чай, – это не фальшивка. Это всё реально, но что за ним? Дайте угадаю. Вы думаете, что посреди мёртвой планеты стоит здоровый дом с космической парковкой и парой спутников связи на орбите?

– Если упрощённо, наверное, да.

– Именно, – щёлкнул пальцами Меффер, – так думают почти все. Там, на Земле.

– А здесь?

– Да и здесь... Начнём издалека, – Меффер поставил чашку и откинулся в кресле. – Вот вам задачка. Скажите, какие три главные компании, если бы были Норманом Элдером,

¹³ Terra incognita (лат.) – неизвестная земля.

вы пригласили бы к колонизации планеты? Под колонизацией я понимаю построение инфраструктуры, максимально приближенной к земной.

– Три... Не маловато ли?

– Основных, дорогой Михаил. Основных.

Хитрый блеск в глазах Меффера говорил о том, что новая тема для разговора доставляет ему бесконечное удовольствие.

– Ммм... Энергетическая компания. К примеру, ваша.

– Хороший ход. Действительно, без энергии придётся туго. Ещё две?

– Компания, которая специализируется на роботах.

– Да, без роботов будет сложно. Осталась ещё одна.

– А вот третья? Может, компания, которая занимается поиском и добычей полезных ископаемых?

Меффер поморщился.

– С двумя вы угадали, что свидетельствует о том, что HR-отдел нашей компании тоже не зря получает зарплату. На самом деле третьей стала IT-компания. Компания, которая строит роботов, нуждается в софте. Програмах, конфигурациях... Кроме того, если компания может делать роботов, то, в принципе, её возможностей с лихвой хватит на воплощение любых инженерных решений. Связь вроде бы очевидная, но...

– А ОАК нужна для того, чтобы всему этому было на чём работать?

Меффер подмигнул:

– Остальные – космические компании, агрокомпании и прочие – лишь дополнение к общей картине. Картина нового мира.

– Нового мира? – переспросил Михаил.

– Да. «Аден» – это лишь отправная точка.

– Хотите сказать, что здесь будет вторая Земля?

– Упаси нас Бог! Нам хватит и одной планеты, на которой уже двадцать второй год идёт война.

– Нет, нет. Подождите. Война идёт всего три года и то не везде, а лишь возле границ Американской Восточной Зоны, – Михаил стал загибать пальцы, – на окраинах Североафриканской, Китайской и, кажется, Евразийской Зон.

Заметив снисходительную улыбку на лице Меффера, он почувствовал себя неловко.

– Нет, дорогой Михаил. Вовсе нет. Когда двадцать один год назад первая ракета упала на мирный город Римини, мы уже знали, что будет в следующие двадцать два. Вот, взгляните, – Меффер взмахнул рукой, и в воздухе возле стен возникли два полупрозрачных экрана. Вот статистика. Это дефициты бюджетов. Это кривая рождаемости. Это промышленное производство. Это процент молодого населения. Это уровень безработицы. Это индекс, спорный, но всё же, этнической и религиозной напряженности... – Меффер озвучивал данные и указывал пальцем в различные области экранов.

– Что всё это значит?

– Цифры, Михаил. Вы ведь знакомы с аналитикой и обработкой сверхбольших массивов данных? Цифры вынесли свой суровый приговор. А что было дальше, вы и сами знаете. Появление зон нестабильности и бесконечная передача эстафеты огня и крови.

– Но если вы знали?..

– Почему не предотвратили? – Меффер смотрел на него испытующе. – Мы не могли. Это системное явление. Война – это порождение системы. Хаос войны – это не сбой, как думают многие. Это лишь одно из переходных состояний. Всё просчитано, а экспромты... Экспромты обходятся слишком дорого.

– Война просчитана?! – Михаил опешил. Он не понимал, почему Меффер говорит всё это ему. Человеку, который лишь чудом унёс ноги от этой войны. Человеку, который, как и

миллионы других, имел такие же шансы стигнуть в этой войне. Войне, которая в системе ценностей Меффера сводилась чуть ли не к общественной норме.

– Да. Возьмем, к примеру, Западноафриканский конфликт. Компьютер, программа «Оракул». Воспроизвести модель. Период – 20 лет, – скомандовал Эрик. – Взгляните, Михаил. Кривая рождаемости как сумасшедшая ползет вверх. Экономика же, хоть и растет, но не покрывает запросов растущей популяции. Политической свободы почти нет. Я уже молчу об утечке мозгов, политической нестабильности и религиозной напряженности. Итог?

– Какой итог?

– Война.

Михаил замер, прислушиваясь к интонации Меффера. Тем же тоном он полчаса назад предлагал выпить чаю. Спокойно и буднично. Ни тревоги, ни бравады, ни горечи. Так говорят о статистической неизбежности, а не о... всем этом.

– Нет, конечно же, я попытался... мы попытались, что называется, обмануть судьбу. В октябре, за месяц до начала конфликта, я прервал отпуск и вместе с несколькими уважаемыми людьми вылетел в Цюрих. Мы разработали пять сценариев, которые могли бы предотвратить самые худшие варианты конфликта. Показали им. Они отказались.

– Кто отказались?

– Политики. Представители правящих кланов и групп влияния. Они назвали наш прогноз бредом, пожали друг другу руки, демонстрируя братскую любовь народов, и разъехались по домам. Через три месяца многих из них уже не было в живых.

– Бред.

– Такова суть систем, – голос Меффера стал тверже и громче. – Через пятнадцать минут после их отказа мы знали, что случится в течение следующих пяти лет.

– А про Гиндукушский инцидент¹⁴?

– Да.

– И про Каспийский кризис¹⁵?

Меффер грустно улыбнулся. Прошло две-три минуты. Остекленевший взгляд и молчание Михаила не мешали Мефферу пить бергамотовый чай и закусывать овсяным печеньем.

– Периодически, – как ни в чем не бывало произнес Меффер, – в системе образовывались точки бифуркации, и почти всегда мы старались предложить им гуманные варианты.

– Но почему все равно война?

– Это последствия реализации негуманного сценария. Почему-то все, кому мы предлагали свой «бред», предпочитали воевать, – ответил Меффер тоном учителя, объясняющего третьекласснику простые дроби.

– Но война... ведь это... плохо!

– А вот тут я не согласен, – выставив указательный палец вперед, ответил Меффер. – В некоторых случаях война – это лекарство.

– Чушь!

– Нет-нет. Перенаселенность, перепроизводство, растущая агрессивность общества, долги правительств – это болезни. Их можно вылечить аспирином, но почему-то все хотят скальпелем.

Михаил снова замолчал. Ушёл в себя. Дело было не в том, что ему приоткрыли завесу запретного. Нет. Он почувствовал себя живым поленом, которое вынули из топки и привезли на Марс, где не пользуются дровами. И вот хозяин леса сидит здесь и объясняет ему, дере-

¹⁴ Гиндукушский инцидент – дерзкое нападение боевиков неподконтрольных территорий на отряды мировых миротворческих сил в горах Гиндукуша.

¹⁵ Каспийский кризис – инцидент с прорывом боевиков неподконтрольных территорий в бассейн Каспийского моря.

вяшке, почему всех остальных кидают в печь, а ему повезло. Такова, мол, природа поленьев. Они – дрова, пускай горят.

А ты – счастливое полено. Тебя отнесут в сад, где ты будешь лежать и тихо гнить под солнцем, пока рано или поздно не превратишься в труху. Но перед этим проживет жизнь. Длинную, спокойную. Достойную полена...

За окном проехал электромобиль, сигналив зазевавшемуся дрону-доставщику. Меффер копался со своей всемогущей игрушкой.

– Так... Похоже, я дал маху, – он отложил планшет. – Я нечасто вижу новые лица, поэтому и тему подобрал неудачную, исходя из интересов моих обычных собеседников. А ещё я давно не был на Земле. Иногда даже появляется ощущение, что Земли не существует, а говорим мы о каком-то придуманном мире. Так уж работает наше мышление. Как говорите вы, русские: «С глаз долой, из сердца вон». У меня к вам небольшое предложение. Надеюсь, оно отвлечет вас от мрачных мыслей.

– Что вы имеете в виду?

– Предлагаю вам завтра прогуляться к границам гранд-отеля. Как там было у Хаксли...

– Да, да. Посмотреть на ваш дивный новый мир.

– Теперь уже наш, Михаил. И мой вам совет: выбросьте Землю из головы. Не вам воевать, и сделать с войной ничего не получится. Мы пытались.

За остаток вечера они успели обсудить работу в ОАК, некоторых сотрудников и руководителей. К удивлению Михаила, общих знакомых нашлось немало. Меффер, как и Мэйнслейв, счёл своим долгом порекомендовать Михаилу несколько заведений в «Адене».

* * *

Вернуться домой Михаил захотел пешком. Требовалось время, чтобы переварить всё сказанное Меффером. Новые мысли бились в его сознании и не давали покоя. Михаил решил, как бы это ни было сложно, при случае продолжить этот диалог.

Ночь, тихая и безмолвная, опустилась на Красную планету. За прочными стенами «Адена» – стужа, бушует песчаная буря. На небе, с чистотой которого едва ли сравнятся земные виды, сияют тысячи звезд и галактик. И где-то среди них поблёскивает голубовато-зелёная звёздочка по имени Земля.

На серебряном уровне отеля грохочет музыка. Вечеринка по случаю заезда новых гостей. На золотом – кинопоказ лучших фильмов за 2035 год. Залы почти пустые. В кинотеатр шли те немногие, кому не хватало атмосферы большого зала. Кашля и смешков соседей по креслу. И хруста попкорна, который прекращается ближе к середине сеанса.

На платиновом уровне тихо. Лишь трескотня сверчков, спрятавшихся то ли в живой изгороди, то ли в тщательно выстриженных травинках, нарушает безмолвие. Вполне земная и по форме, и содержанию, ночь. Такая же, как в предместьях Лунграда или в Зоне безопасности пятого уровня¹⁶.

Меффер вновь погрузился в работу и с трудом отвлекся от неё лишь полвторого ночи. Эрик отложил чертежи и велел подать лёгкий ужин. Перед сном он включил старинный фильм «Огни большого города»¹⁷.

По правде говоря, кино нужно было больше для фона. Всё внимание Меффера занимали новый термоядерный реактор и конфигурация магнитного кокона. Сцены чёрно-белого фильма, мелькавшие на экране, напоминали Эрику о начале XX века. Века двух разрушительных войн и грандиозных научных прорывов. Он впитал его своеобразное очарование, обща-

¹⁶ Зона безопасности пятого уровня включает наиболее безопасные районы Земли.

¹⁷ «Огни большого города» (англ. «City Lights») – классический трагикомедийный фильм Чарли Чаплина.

ясь со стариками, жившими до прихода третьего тысячелетия. В их рассказах, пересыпанных непонятными словечками, он черпал вдохновение для технических нововведений. Восторгаясь Эйнштейном, Капицей, Планком, Ландау и Бором, он приближал будущее своего, XXII века.

* * *

Мортимер Марткауз выдавил свежий грейпфрутовый сок и уютно разлёгся на скамейке прямо на открытой веранде «Адена». Прозрачные стены купола открывали ему фантастический вид на ночное небо и пески Марса, окружившие гранд-отель. Листая последние новости с родной планеты, Марткауз поймал себя на мысли, что все заголовки, рекомендованные в этот вечер Системой, удивительно безлики. Свернув ленту, он двумя хлопками притушил свет на аллее и устремил взгляд в космическую бездну. Прочитав его настроение, Система включила музыку. В воздухе тихо зазвучали первые ноты Прелюдии в до-диез минор № 2 Рахманинова¹⁸.

Разум главного администратора растворялся в музыке русского композитора, как кусочки льда в запотевшем стакане сока. Казалось, что сами звезды, не в силах оставаться в стороне, аккомпанируют безымянному пианисту.

¹⁸ Можно прослушать по ссылке: <https://music.yandex.ru/album/4529417/track/36092303>.

Юдоль

Марс. Монастырь Великого молчания

Много-много килосол¹⁹ спустя

Тёплый муштрим²⁰ подул с юго-запада Руадильского моря²¹. Он привёл в движение маленькие колокольчики, висевшие на одиноком кипарисе во дворе монастыря Великого молчания.

Монах Канн собирался с мыслями перед вечерней службой в святилище Последних Слов, главном храме монастыря. Сегодня он должен *проводить* старого лорда Одиноких Островов. Но-Рах привезет его в своей белой ладье на закате.

Канн готовил себя к общению с Великим Архитектором. Прикидывал в уме, как попросить Его забрать *суть* усопшего в Чертог вечных снов.

Его мысли прервали шаркающие шаги и ритмичное постукивание посоха. Канн обернулся.

– Здравствуйте, отец-настоятель!

– Здравствуй, сын-монах! – произнёс вошедший. В голосе чувствовалась улыбка, которую скрывала густая пегая борода. Прикрытые тяжёлыми веками глаза внимательно изучали Канна.

Старый монах подошёл ближе, опираясь на металлический посох, испещрённый письмами великих предков. Канн тихо произнес:

– Спасибо за утреннюю службу.

Настоятель смиренно кивнул. Спросил:

– Кто прибудет на пирс сегодня?

– ДеГамма Альдераан.

– Ещё один лорд Одиноких островов, – покачал головой настоятель. – Я провожал Колумба, его отца. Великий был человек. Помню, давным-давно, когда сестра Церера в небе ещё была окружена дымкой, случился на Океане великий шторм. Мы везли в монастырь паломников из столицы Марса, Ред Капиты. Буря длилась много сол, и когда мы уже начали терять им счёт, неожиданно стихла. Оглядевшись, мы поняли, что окончательно заблудились. Ни клочка земли на горизонте.

Мы ловили рыбу и пили воду, которая ещё оставалась в трюмах. Мы зывали к Предкам и Архитектору. На рассвете двенадцатого сола я, чтобы унять тревожные мысли, бродил по палубе. Поднял глаза к морю. Увидел, что из-за горизонта к нам по воде стремится безликий призрак. Сначала я подумал, что это Великий Предок решил нас спасти. Но прошло несколько минут, и стало ясно, что на железной ладье, стоя во весь рост, к нам приближается человек.

– Это и был Колумб?

– Да, он самый, – улыбнулся настоятель. – В руке он держал... Сейчас я вспомню, как называлась эта штука. Вот! Пере-дат-чик. Он просчитал квадрат, в котором могло находиться наше судно, и четыре бессонных сола провел в поисках. Колумб привёл нас к Одиноким островам, своей вотчине, и там мы отметили чудесное спасение.

¹⁹ От слов «кило» (тысяча) и «сол» (марсианские сутки).

²⁰ Муштрим – сильные ветры, приходящие со стороны Руадильского моря. Их название происходит от слова великих предков [muɪ], искажённого Mars. Шрим – искажённое от [stream] – поток. Двойное s от слов Mars и stream впоследствии превратилось в звук [sh] – «ш».

²¹ Руадильское море – одно из двух Великих морей Марса, входящих состав Океана. Точная этимология названия неизвестна. Существует точка зрения, что оно происходит от слова goad из языка великих предков, что значит «дорога [морских торговых путей]». Другая точка зрения гласит, что название происходит от слова good, что переводилось с одного из древних языков как «красный». Когда-то воды Руадильского моря могли и в самом деле быть почти багровыми.

– Вы были и на Одиноких Островах? – удивился Канн.

– Да. Помнишь ли ты книгу Трёх корзин²²?

– Конечно, отец-настоятель.

– Колумб подарил эту книгу нашему монастырю много лет назад. Она хранилась в его библиотеке, он называл её Новоалександрийской.

Канну представился высокий зал, наполненный длинными рядами книг. Книги с потертыми корешками, книги с пометками на полях. Все книги мира. Канн жаждал новых знаний, которых библиотека монастыря дать, увы, не могла. Только раз в год, в свой День Прибытия²³, с благословения отца-настоятеля Канн мог посетить книжный базар в Ред Капите и купить одну новую книгу.

– Лорд пригласил нас в своё поместье. Гуляя по его ухоженным тропинкам, мы чувствовали себя дикарями в саду Места, Где Все Началось. Под крышей беседки горел прирученный огонь, а мы, закутанные в тонкие пледы, наслаждались свежепойманной и только что изжаренной рыбой. Колумб закончил трапезу раньше нас и ушёл на дальнюю оконечность острова, чтобы наблюдать за звёздами. Перед сном я решил на небольшую прогулку. Лорд не запрещал нам покидать его сад. Колумба я застал смотрящим в трубу.

– В телескоп, отец-настоятель.

– Да, верно, в телескоп. Несмотря на молодость, ты уже знаешь больше моего.

– Мои знания ничтожны по сравнению с вашей мудростью, – кротко ответил Канн.

– Так вот... Ночь была чрезвычайно ясной. Церера не затмевала звёзд, и лорд пригласил меня присоединиться к его наблюдениям. Знаешь, на что он предложил мне посмотреть?

Канн поднял на настоятеля вопросительный взгляд и едва заметно качнул головой. Его губы разомкнулись и тут же сошлись обратно. Как будто он хотел что-то сказать, но передумал.

– На Землю. На нашу колыбель.

– Что вы увидели?

– Увы, никаких деталей. Лишь голубовато-зелёный шарик. Бесконечно родной нашему сердцу, но бесконечно далёкий.

– Разве мы молимся за Землю? Мы – марсиане, и Марс – наша епархия!

Настоятель пристально посмотрел Канну в глаза.

– Сын мой, мы молимся за все миры. Где бы ни прошла нога человека, наша молитва должна пребывать с ним. Люди на Земле такие же, как и мы.

– Вы думаете, они там ещё остались?

– Разумеется.

– Почему же они не прилетают?

– А что по этому поводу говорят те книги, что ты прочёл в библиотеке?

– Они говорят, что на то была воля предков. Но это ведь всё равно не ответ!

Настоятель кивнул.

– Я полагаю Канн, для этого действительно были причины, и причины серьёзные. Мой предок много сотен лет назад видел людей с Земли. Быть может, и ты застанешь конец молчания. А пока что продолжай совершать добро во имя обоих известных миров. И во имя тех, что нам неведомы.

Настоятель поднял руку в ритуальном жесте, и Канн склонил голову. Отдав благословение, настоятель пошёл осматривать другие помещения монастыря, а Канн вернулся к подготовке обряда.

²² Книга Трёх корзин – Трипитака. Свод буддийских священных текстов.

²³ День Прибытия – день, когда монаха принимают в монастырь.

* * *

Он принёс специально заготовленные благовония и разложил их перед алтарём в Святылице Последних Слов.

Интересно, что любил читать ДеГамма Альдераан?

Канн сходил в библиотеку и вернулся оттуда с потрёпанной книжкой. На её обложке едва блестели золочёные буквы. Надпись гласила: «20 000 лье под водой». Сидя на полу, Канн листал плотные страницы, освежая в памяти сюжет, написанный предком Верном много кило-сол назад. Великие предки. Как много выпало на их долю и как мужественно они выходили из самых трудных испытаний. Из книг и рассказов монаха-настоятеля Канну было известно, как предки осваивали космос. Как штурмовали Луну, как строили на орбите Матери-планеты свои станции. Как без страха сотрясали Землю взрывами Царь-бомб и двигались, невзирая на происки тёмных сил, к победе Разума и Света.

Внезапно в храме потемнело. Гигантская дождевая туча укутала монастырь своим пепельным телом. Канн улыбнулся: даже небо готово скорбеть вместе с ним. Значит, сегодня он провожает хорошего человека.

В том, что в течение часа монастырь утонет в тёплом ливне, не было никаких сомнений. Чуть торопливо Канн разложил перед собой чистый лист бумаги, кисти и краски.

Он долго думал, какой символ хочет изобразить на прощание. Древняя и красивая традиция. Она всякий раз заставляла его сердце биться сильнее, ибо верно подобранный символ, согласно поверью, указывал усопшему лучший Путь. Перебрав множество вариантов, Канн остановился на октоторпе, символе странствий лорда Альдераана.

Двоясь и троясь, эхо первого грома пронеслось по внутренним покоям храма. Канн зажег светильники. Он знал, что кораблю оставалось плыть ещё полчаса, и подумал: «Надеюсь, шторм не застанет их врасплох».

Повернувшись к пурпурному занавесу, за которым незримо присутствовал Великий Архитектор, Канн обратился к нему с молитвой:

– Великий Архитектор, я воздаю тебе свою благодарность за сущее, прошедшее и грядущее. Я внимаю твоему Зову и преображаю свою суть изо дня в день. Великий создатель! Прошу тебя в этот день помочь ладье добраться до берега и прибыть на последний ритуал. Помоги мне, твоему созданию, сопроводить ДеГамма Альдераана, достойнейшего из людей, в твои чертоги.

Густые и тёмные, словно патока, капли марсианской воды начали медленно стекать по мозаике в центре монастырского двора. По преданию, эта мозаика – всё, что осталось от некогда величественного произведения: древних Врат. Они встречали путников у входа в Запретный город, Место, с которого всё началось. Тем временем Канн, закрыв глаза в мистическом экстазе, всё яснее видел силуэт ладьи, прорывающийся сквозь бурю пелену дождя. Проглотив комок в горле, он продолжил:

– Я, Канн, прошу тебя помочь путникам. Да будет все по промыслу Матери Ланиакеи²⁴ и Тебя! Да будет так!

Произнеся последние слова, Канн пал ниц. От изнурительной молитвы на спине выступил пот, а жилка на лбу вздулась и пульсировала горячей кровью. Он медленно подошёл ко входу в храм и стал пристально вглядываться в стену дождя, только набиравшего силу. Он видел, как монахи поспешно заканчивают дела и уходят в кельи. Как настоятель, взяв зонтик,

²⁴ Ланиакея – сверхскопление галактик, в котором, в частности, находятся Сверхскопление Девы (составной частью которого является Местная группа, содержащая галактику Млечный Путь с Солнечной системой) и Великий аттрактор, в котором расположен центр тяжести Ланиакеи. Диаметр Ланиакеи примерно равен 520 миллионам световых лет.

спокойно продолжает неспешный обход. Как аккуратно его сосед, брат Алигьери, укрывает брезентом двух роботов для полевых работ. Если они заржавеют, придётся туго...

Сосредоточенность сменилась рассеянностью. Монотонный шелест дождя смыл последнюю тревожную мысль, и в душе поселился покой. Канн предался воспоминаниям.

* * *

Будучи сыном простого фермера, он с завистью смотрел на группы купцов и паломников, пересекающих Занрибар, его родную деревушку. Одни везли товары в Ред Капиту, другие шли из столицы в сторону Великого Океана, за которым находились Дальние Храмы.

Жаркий полдень застал Канна посреди поля. Мальчишка помогал отцу чинить полевого робота. Подавая отцу инструмент, он жадно следил за горизонтом, поэтому первым увидел группу паломников. Мальчишка тут же загорелся идеей найти повод и добежать до дома прежде, чем паломники закупятся провиантом и продолжат путь. В течение следующего часа он, то и дело оглядываясь на приближающийся караван, кусал губы и выдумывал, как бы увильнуть от починки скучного механизма и хотя бы одним глазком увидеть пришельцев. Наконец он решился.

– Папа, там караван идёт.

Отец Канна оторвался от изучения недр беспилотного трактора и внимательно посмотрел на сына. Лицо и руки отца покрывали масло и ржавчина.

– Караван, ну и что?

– Может быть, мне стоит вернуться в деревню и поторговаться с ними? Мама одна не справится с мешками риса, они тяжёлые, а я сильный.

Отец хитро посмотрел на Канна:

– А как же робот?

– Робот? Так мы же почти починили его и... и я принесу тебе поесть!

– Ну хорошо, беги, – улыбнулся отец. – Помоги маме и не забудь показать странникам свои поделки. Может, кто купит.

Канн бежал вдоль ирригационных каналов, стараясь не упасть. Ветер свистел в ушах мальчишки, он очень хотел застать караван в деревне. Он должен! Так подсказывало ему некое внутреннее чутьё. Показались дворики домов, стоявших на отшибе деревни.

Прямо на глазах Канна деревенская площадь превращалась в стихийный рынок. Маленькие дети и женщины высыпали из домов, чтобы продать свои нехитрые поделки. Дети постарше и мужчины, не работавшие в этот день на поле, споро тасили рис и овощи. Раскладывали по прилавкам. Тем временем толпа паломников разминала уставшие ноги и вяло осматривалась.

Мама Канна уже общалась с кем-то из пришлых и продала ему в дорогу несколько початков кукурузы и две меры риса.

– А я думала, ты в поле! – с укоризной сказала мама.

– Я... Мы уже всё починили!

– Ну хорошо. Надеюсь, ты говоришь правду. Помоги-ка обслужить этого господина...

Жилище Канна находилось возле самой площади, и мальчишка то и дело носился с поручениями между домом и лавкой, вытаскивал из кладовой корзины свежих фруктов и овощей, не забывая захватить вяленые томаты и перцы. А между делом предлагал паломникам свои поделки из соломы и глины. Он был так увлечён, что не сразу заметил стоящего у прилавка старика в серых одеждах. Среди паломников оказался самый настоящий монах!

Марсианских монахов люди уважали и немного побаивались. Считалось, что именно монахам великие предки оставили своё завещание и что через них когда-нибудь глупые наследники земной цивилизации получают прощение. Им будет позволено приобщиться к тайным знаниям, которые сделают их счастливыми, молодыми и бессмертными.

Мама Канна вежливо поклонилась монаху, опиравшемуся на посох с белым набалдашником. Тихо шепнула сыну: «Этот монах – из храма Великого молчания».

Мальчик, конечно же, не знал, что такое храм Великого молчания, но тон мамы внушил ему благоговейный трепет. Монах поймал на себе восторженный взгляд мальчика и обернулся к нему.

– Как тебя зовут, дитя?

– Канн.

– Сколько тебе лет?

– Пять лет, ваше смирение!

– Славно, славно. Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Канна словно поразило электричеством. Этот, казалось, совершенно простой и естественный для взрослого человека вопрос затронул самые тонкие струны его сути. Канн с детской непосредственностью стал захлёбываясь рассказывать гостю о профессиях великих предков и о том, что ему из всех больше всего понравилась профессия учёного.

– И как же ты готовишься к тому, чтобы стать учёным? – с неподдельным интересом спросил Канна настоятель.

– Я? Я... Я много читаю!

– Все книги перечитал, – вставила мама Канна, – и у нас, и у соседей.

– И сколько же набралось? – с улыбкой спросил монах.

– Уже целых девять, – гордо ответил Канн.

– Молодец, молодец. Учись, юный Канн. Я ещё вернусь...

Продолжая исподволь наблюдать за мальчиком, отец-настоятель купил несколько мешочков риса и что-то из вяленых продуктов. Напоследок он наклонился к Канну и взял глиняную фигурку, не то птицу, не то корабль, которую тот теребил в руках. В следующее мгновение монах уже удалялся от него по пыльной площади, а в руках мальчика была крепко зажата небольшая книга в толстом переплете из чёрного пластика – его первый молитвенник.

* * *

Мысли Канна прервал вошедший в храм помощник Но-Раха. Растрёпанный, с большими ушами, с которых стекали тяжёлые капли марсианского дождя. Парень промок до нитки и дрожал на ветру. Его широко раскрытые зелёные глаза блуждали по храму, пока не наткнулись на Канна, сидящего у алтаря. Парень просиял, позволил себе улыбку и сообщил:

– Ваша смиренность, мы прибыли.

Канн поднялся с колен, обернулся.

– Воистину, велик и благодушен Архитектор!

Он схватил светильник и выбежал с ним под ливень, который, казалось, поглотил всё вокруг. Он быстро преодолел внутренний двор храма, миновал массивные обитые золотыми листами ворота, точную копию известных всем землянам «Золотых Ворот»²⁵, и направился к пристани. Несколько раз он чуть не поскользнулся на массивных булыжниках, отполированных тысячами ног паломников. Канн подошёл к ладье, которую волны Руадильского моря бросали из стороны в сторону. Но-Рах был уже на берегу и помогал крепить швартовые ко кнехтам.

– Здравствуй, Но!

– Здравствуй, Канн! Слава Архитектору, успели! Ещё бы два часа и не знаю, удалось бы донести достопочтенного лорда до вашей обители. Не удивился бы, если бы Руадильское море захотело провести обряд вместо вас.

²⁵ Имеются в виду знаменитые восточные ворота баптистерия Сан-Джованни рядом с собором Санта-Мария-дель-Фьоре и колокольной Джотто во Флоренции.

– Могу я чем-то помочь?

– Нет, я почти закончил. А, точно, повозка! Где повозка?

– Забыли! – воскликнул Канн и добавил – Сейчас привезу!

Он бросился в сторону Храма. Прошло ещё минут десять. Но-Рах с вернувшимся помощником аккуратно вытащили саркофаг на берег и накрыли тентом, не давая дождю попасть внутрь.

Темнело. Из-за водяной стены опять появился силуэт Канна, он тяжело волочил за собой повозку. Все прочие монахи давно разошлись по кельям и помочь не спешили.

Не без труда переложив саркофаг на повозку, они медленно двинулись к храму. Дождь окончательно вымочил всех троих и мешал смотреть под ноги, но никто не жаловался. Ритуал следовало исполнять молча. Молнии освещали повозке путь, а огонь, который Канн зажег в Храме, служил им путеводным маяком. Остановив повозку перед ступенями, они вновь подняли саркофаг и понесли его внутрь. Едва они вошли, порыв ветра задул все свечи, и троица осталась в темноте. Сверкнула молния. Храм на мгновение озарился мистическим фиолетовым светом. Канн нащупал возле столика огниво и медленно, чтобы не оступиться, пошёл к светильникам с намерением их зажечь. Но-Рах и помощник с нескрываемым любопытством оглядывались вокруг. Им очень редко доводилось переступать порог Храма, так как обычно всю работу по доставке умершего в святилище Последних слов выполняли монахи.

Канн чиркнул огнивом, и святилище озарилось мягким жёлтым светом. Но-Рах и помощник увидели в центре храма три хрустальных переливающихся кольца, вдетых друг в друга. Одно кольцо символизировало Мертвую Сестру Венеру, другое – орбиту Матери-планеты, а третье – Марс. Стены храма были расписаны сценами из бытия Великих Предков. Пол покрывала изумительная звездная мозаика, смысла которой ни Канн, ни отец-настоятель постичь не могли.

В центре святилища находилось большое каменное возвышение, куда надлежало поставить саркофаг с умершим.

– Помогите мне, уважаемый Но-Рах. – тихо сказал Канн.

Саркофаг был установлен на алтарь, обернут от воды и открыт. Всё время их небольшого путешествия от пирса у Канна не было возможности посмотреть на тело, лежащее внутри древней металлической капсулы со стеклянными стенками.

Лорд ДеГамма, казалось, был погружен в задумчивость и печаль. Канн вынужден был отдать должное мастерам, приготовившим тело к последнему путешествию. Кожа покойного натёрта мелкой пудрой из марсианского песка, губы подведены пигментом из секрета солнечного жука. Теперь, когда лицо ДеГамма, вечно живое и исполненное мысли, обрело неподвижность, Канн осознал, насколько тот был стар. Возможно, совсем ненамного младше отца-настоятеля.

Канн встал на колени перед столиком с заранее заготовленными предметами и дал спутникам знак сесть. Но-Рах, ощущая святость момента, отошёл на достаточное расстояние от монаха. Устроился на специальных каменных выступах возле входа. Его помощник, впечатленный красотой увиденного не меньше мастера, присоединился к нему через несколько мгновений.

Снаружи бушевала гроза, а внутри храма под строгим взглядом предков Канн начинал церемонию.

Он громко и отчётливо произнёс имя усопшего, его титул и имена родителей. Далее Канн подошёл к саркофагу и вытащил из рук ДеГамма Альдераана серебряный футляр. В футляре находились шелковые свитки семи цветов радуги, на которых на старинном диалекте были перечислены семь благодетелей семьи Альдераан.

Канн сел на колени перед столиком и зажёл благовония. После этого он открыл книгу и стал тихо читать полагающийся в таких случаях отрывок из молитвенника. Он читал почти

целый час, как вдруг позабытая мысль настигла его. Он обернулся, пытаясь найти взглядом Но-Раха.

– Где книга?

– Ах, книга! Вот.

Но-Рах быстро вытащил из-за пазухи кожаный мешочек и протянул его монаху. Канн с благоговением взял его и положил на стол. Вернувшись на пол, он развязал бечёвку, которая связывала мешок, и извлёк старинную книгу. Это была любимая книга ДеГаммы, и именно под шелест её страниц брату Канну предстояло сопроводить лорда Одиноких Островов в последний путь.

– Я слышал, – шёпотом начал помощник Но-Раха, – что праведные люди на следующий день после смерти просыпаются на Матери-планете в месте под названием «Терминал». А злодеи, они...

– Шшш... – строго зашипел Но-Рах.

Канн взял кисточку и символически смахнул с книги пыль.

Он открыл книгу и долго вглядывался в выцветшие страницы, не смея начать. Монах сразу понял, что это за книга. Написанная на одном из древних языков, она неслучайно стала верным спутником Альдераана в течение его долгой и интересной жизни.

...On an exceptionally hot evening early in July a young man came out of the garret in which he lodged in S. Place and walked slowly, as though in hesitation, towards K. bridge.

He had successfully avoided meeting his landlady on the staircase. His garret was under the roof of a high, five-storied house and was more like a cupboard than a room. The landlady who provided him with garret, dinners, and attendance, lived on the floor below, and every time he went out he was obliged to pass her kitchen, the door of which invariably stood open. And each time he passed, the young man had a sick, frightened feeling, which made him scowl and feel ashamed. He was hopelessly in debt to his landlady, and was afraid of meeting her...²⁶

Канн продолжал чтение. Дождь на улице стих. Редкие капли всё ещё падали со скатов крыш, вводя в транс своей периодичностью. Помощник Но-Раха уснул прямо у входа, и мастер укутал его в свой плащ, а сам направился к пристани, чтобы проверить, всё ли в порядке с кораблем. Сосредоточенно читая книгу, ласково, как будто укладывая ребёнка спать, Канн не заметил, что в дверях его внимательно слушает настоятель.

Прошло около сорока минут. Но-Рах вернулся в храм.

– Доброй ночи, отец-настоятель, – прошептал он.

– И тебе доброй ночи, почтенный Но-Рах!

Они стояли в дверях Святилища, не смея мешать обряду. Канн продолжал чтение. Небо очистилось, и на нём вместе со звёздами показалась Сестра Церера, которая успела взойти из-за восточного края Руадильского моря. В листве кипарисов и эвкалиптов робко защебетали птицы.

– Какую стихию выбрал для себя усопший? – учтиво поинтересовался настоятель.

– Огонь, – вздохнул Канн.

Настоятель понимающе кивнул. Постояв в дверях Храма ещё несколько минут, он пошёл готовить обряд кремации, дабы исполнить последнюю волю покойного. Но-Рах троекратно низко поклонился в сторону саркофага, как бы в последний раз отдавая честь великому человеку Марса. Затем беззлобно толкнул носком глубоко спавшего помощника.

²⁶ «Преступление и наказание», Ф. Достоевский. Перевод на английский язык К. Гарнетт.

– Перед тем как отправиться, зайдите на кухню и прихватите с собой два круга хлеба и сыр. И не забудьте наполнить фляги. Как знать, сколько займёт у вас дорога.

– Благодарю вас, отец настоятель.

– Да, поступайте по воле Архитектора!

Но-Рах с помощником поклонились настоятелю и удалились. Светало. На востоке по милости Великого Архитектора вставала заря. Сонные монахи лениво складывали костёр.

Дом утренней зари

Марс. «Аден»

10 сентября 2137 года

Тихая жизнеутверждающая музыка летнего концерта Вивальди разбудила Михаила. Через полуоткрытые занавески в спальню проникал мягкий солнечный свет. Таков был творческий выбор Системы. Михаил лениво открыл глаза. Он решил ещё несколько минут понежиться в тёплой постели, прежде чем окончательно проснуться.

Завтрак уже был готов – из кухни, находившейся на другом конце дома, доносилось тихое позвякивание посуды и столовых приборов. Помедлив ещё несколько минут, он наконец поднялся с постели. Надел халат и направился в столовую, не забыв по пути умыться. Михаил завтракал неспешно. Ему с трудом удалось выработать у себя эту новую привычку. Там, на Земле, завтрак был не церемонией, а отчаянной попыткой набить желудок, чтобы тот до поры до времени не давал о себе знать.

Система уведомила Михаила, что Меффер заедет за ним через два часа. Добавив Меффера в список желанных гостей, Михаил пошёл одеваться. Одежду он заказал накануне поздно вечером, и уже в пять часов дрон-доставщик прибыл в его особняк. Пока Михаил спал, вещи перенесли в дом и разложили для примерки.

Михаила одолевало неподдельное любопытство. Что же приготовил ему на сегодня Атомный Император?

Через час на улице показался автомобиль Меффера.

– Сегодня, дорогой Михаил, я покажу вам, где будет построен дивный новый мир.

Дорога к границе отеля заняла без малого двадцать минут. Между платиновым и золотым уровнями к Мефферу и Севастьянову приставили телохранителей: «Господа, извините, но мы не можем отпустить вас на нижний уровень без охраны».

После короткой заминки двинулись дальше. Михаил и Эрик вплотную приблизились к внешнему периметру отеля. Эта зона была лишена великолепия внутренних кварталов. Здания простые и функциональные. В одно из них, похожее на ангар, вкатился автомобиль.

– Вот мы и приехали, – с удовольствием сообщил Меффер.

Зал, в котором они оказались, походил на терминал космопорта, где начался его долгий путь к Марсу. Правда, вместо суборбитальных самолётов и серой взлётно-посадочной полосы за окном лежала красная пустыня. На площадке, покрытой чёрными полимерными плитами, расположилось с полдюжины маленьких шаттлов. Их предназначение оставалось для Михаила загадкой. Он поймал себя на том, что за всё время пребывания в отеле ни разу не задумывался, есть ли жизнь за пределами «Адена».

Видя замешательство Михаила, Меффер сказал:

– Постояльцев сюда не пускают. Это переходный терминал. Внизу, под нами, находятся шлюзы. Они ведут на площадку для шаттлов. Хотите прокатиться по Марсу?

По телу Михаила пробежали мурашки. Он чувствовал себя как мальчишка, которого внезапно сняли с уроков и взамен предложили полетать на сверхзвуковом истребителе по границе стратосферы.

– Сэр, разрешите, – сказал один из охранников, – согласно внутреннему распоряжению администрации объекта, мы не можем отпустить вас без сопровождения.

– Уважаемый... Как вас?

– Златан.

– Златан, я сам участвовал в написании большинства этих правил. Думаю, вы знаете, что я вхожу в совет управляющих гранд-отеля? Меффер провёл браслетом по ридеру возле шлюза.

– Видите? Тут написано: «Проход разрешён».

– А ваш спутник?

Не оборачиваясь, Эрик взял Михаила за руку и приложил его браслет к сканеру.

– А2. Какой это допуск?

– Преднаивысший, но... – растерялся охранник.

– Хватит глупых вопросов! – Меффер изобразил вспыльчивость. – Я прохожу. Господин Севастьянов тоже.

Спустившись вниз, они надели лёгкие скафандры.

– Господа, свободны! – приказал Эрик телохранителям. Те послушно удалились.

– Сейчас мы персонализируем костюмы, и можно двигаться дальше. Повторяйте за мной:

«Начать синхронизацию с носителем».

Михаил послушно повторил фразу, и в скафандре раздался голос бортового компьютера:

– Здравствуйте, гость Михаил Севастьянов! Вас приветствует бортовой компьютер скафандра модель «СМ-2130»²⁷. Пожалуйста, дождитесь окончания процедуры адаптации скафандра к вашим физиологическим параметрам. Считывание завершено, норма потребления кислорода – завершено, сканирование на заболевания – завершено. Начало адаптации.

Скафандр шевелился и ворочался как живое существо. Изгибы его менялись, пытаюсь подладиться под тело носителя. Через десять секунд костюм сидел на Михаиле как элегантно подогнанный смокинг, заказанный им однажды для юбилея корпорации.

– Приём, приём. Проверка связи, – Михаил услышал в шлемофоне голос Меффера.

– Отлично слышу! Приём!

– Вот и славно. Хорошие стали делать скафандры. В свое время мне посчастливилось надеть на себя антикварный скафандр лунных астронавтов. Его спроектировали аж в 1960-х годах. Не очень приятный опыт. Наши – совсем другое дело.

Путешественники вошли в тесную камеру. Массивная дверь, отделявшая её от основных помещений, закрылась. С характерным шипением воздух начал покидать шлюз.

Михаил услышал: «Начата процедура адаптации к изменению давления. Если вы хотите отключить уведомления, пожалуйста, выберите соответствующую опцию в голосовом меню».

Выкачав из камеры максимальное количество воздушной смеси и убедившись, что скафандры путешественников исправны, Система дала команду на открытие внешнего люка. Массивная металлическая дверь бесшумно отошла в сторону, и солнце ударило Михаилу в глаза. Он рефлекторно прищурился, хотя иллюминатор скафандра мгновенно адаптировался к условиям освещенности.

– Наш номер В-12!

Белая обшивка шаттла с черной надписью «В-12» поблескивала в полуденном свете. Меффер приложил перчатку к углублению на входном люке, и они вошли внутрь. Дверь закрылась за ними. Зажёгся дежурный свет.

– Вас приветствует бортовая система шаттла. Через одну минуту сорок пять секунд атмосфера шаттла будет соответствовать земной. Ведется поиск летной лицензии для Марса. Если летная лицензия не будет найдена, полёт пройдёт в автоматическом режиме. Лётная лицензия обнаружена. Пожалуйста, господин Эрик Меффер, займите место пилота. Ведётся идентификация пассажира. Пожалуйста, господин Михаил Севастьянов, займите любое пассажирское место и пристегните ремни. Атмосфера стабилизирована. Можете снять скафандры.

– Устраивайтесь удобнее, нас ждёт небольшая прогулка, – сказал Меффер, указав на место второго пилота. – Компьютер, пункт назначения «Аврора».

Двигатели шаттла загудели. Он медленно поднялся в разреженный воздух и взял курс на объект.

²⁷ «СМ-2130» – скафандр марсианский. Модель 2130 года.

«Температура за бортом -48 градусов по шкале Цельсия. Давление – 54 миллиметра ртутного столба. Время в пути – 28 минут. Радиационный фон в пределах нормы» – сообщил бортовой компьютер.

- Куда мы летим? – поинтересовался Михаил.
- На мою автономную виллу. Таких всего три на Марсе.
- Виллу?
- Именно. А что вас так удивляет?

Михаил промолчал, только пожал плечами. Этот человек не понимает, что вилла посреди Марса может показаться чем-то удивительным.

Шаттл парил над поверхностью планеты: везде один и тот же безжизненный пустынный пейзаж. Михаил вспомнил о своей давней командировке в Северо-Египетскую зону и поездке на верблюде по барханам Сахары. Остановив верблюда после целого часа изнуряющего пути, он огляделся вокруг и испытал странное чувство: везде только песок и... жара. В шаттле было прохладно, но океан красных песков за стеклом напомнил ему о Земле.

– Надеюсь, вы не против, что я провел вас к шаттлу через безвоздушное пространство, а не через переходной шлюз? Хотел, чтобы вы почувствовали, так сказать, магию места.

– Всё в порядке, Эрик, это интересный опыт.

– Переходной шлюз у вас тоже будет возможность опробовать. Потом сравните свой опыт, – сказал Меффер и похлопал Севастьянова по плечу. – Хотите, открою вам интересные статистические данные о золотом уровне? Половина постояльцев «Адена» сидят на тех или иных препаратах, изменяющих сознание.

– То есть на наркотиках?

– А другие находят утешение в объятиях самых красивых женщин и мужчин. Здесь можно всё. Почти всё. И через какое-то время люди начинают лезть на стенку, а кто-то и в петлю.

К чему он мне всё это рассказывает?

– К чему я всё это говорю? Если не хотите здесь свихнуться, сделайте хоть что-то. Делайте, думайте, работайте. Я помню, как вы называли «Аден». Я тоже живу в раю, но при этом работаю. Управление компанией – это часть моего личного рая. Если не хотите, чтобы каждый день вашу облёванную спальню приводили в порядок, займитесь делом.

Меффер было замолчал, но вдруг добавил:

– Собственно, для этого я и построил себе виллу. Это помещение для работы. Творчества, если хотите, и размышлений.

– Боюсь представить, во сколько вам это обошлось.

– О, да. В космическую сумму! – ответил Эрик. Оба рассмеялись.

– Посмотрите вниз, – внезапно сказал Меффер. – Видите?

Из-под земли торчали тёмные колышки.

– Вижу. Что это такое?

– Под поверхностью Марса кипит работа. Обитаемая зона разрастается. И ни одного живого рабочего. Только роботы.

– И что они там делают?

– Пока в основном роют тоннели. Огромные тоннели. Попутно проводят геологические исследования. Сейчас большая часть ресурсов завозится с Земли, и это, как вы понимаете, влетает в копеечку.

– А роботы?

– А роботы – это недорого. По крайней мере, это обойдётся дешевле в перспективе. Чем меньше на Марсе случайных людей, тем лучше.

– Я тоже случайный человек.

– О, нет. Такие случайности, как ваша, далеко неслучайны. Далеко неслучайны, хоть и кажутся таковыми на первый взгляд.

Михаил не понял, что имел в виду Меффер, но переспрашивать не стал. Ему, в сущности, теперь было всё равно. В кои-то веки он хозяин своей жизни. Живёт в прекрасном особнячке на бульваре Леонардо да Винчи и уже не помнит, когда в последний раз спешил. Именно он сейчас летит над долинами Марса по правую руку от главы ОАК. И это он дал согласие на встречу, а не Эрик приказал ему лететь.

Разговор с Меффером сам по себе сошёл на нет. Однообразие марсианских пейзажей сделало своё дело, и Михаил задремал.

«Скоро будем!» – голос Эрика вывел Михаила из сна. Он открыл глаза: шаттл шел галсом по широкому ущелью.

Вдруг на одном из склонов показался тёмный силуэт, который поначалу можно было принять за потерпевшую крушение летающую тарелку. Её «шасси» были утоплены в грунте. Почти вся «тарелка» обтянута фиолетовой сеткой, шестигранные ячейки которой тускло поблёскивают в неярких солнечных лучах. Михаил догадался, что это солнечные батареи.

Шаттл сделал несколько кругов над посадочной площадкой, как бы прицеливаясь, и очень мягко приземлился на прорезиненную платформу. Из «тарелки» выдвинулся сложенный гармошкой переходной шлюз.

«Уважаемые пассажиры, в данный момент происходит проверка помещений автономного жилого модуля “Аврора”. Через 35 секунд проверка будет завершена. Благодарим вас за терпение. Состав атмосферы в норме, давление в норме, температура 23,7 градуса по шкале Цельсия, бактериологический и радиационный фон в норме. Внимание! Шлюзы открываются».

Михаил услышал шипение.

– Небольшой градиент давления, не волнуйтесь. – Меффер первым шагнул в небольшой коридор.

Михаил притронулся к тонкой, почти невесомой матовой стенке, крайне аккуратно, боясь проткнуть. В голове пронеслась хулиганская, почти безумная мысль навалиться всем телом на хрупкий пластик и пробить его... Ведь Марс так похож на пустыню, а в пустыне можно жить. Жить, не прячась под куполом, вдыхая средиземноморский бриз, который приносит северный ветер. Михаил ужаснулся своим мыслям. Порвав стенки, он обречет себя и Эрика на мгновенную гибель. Тем временем коридор закончился, и они оказались внутри «Авроры» – загородного дома Меффера.

Белые стены, пара кресел, мягкий свет. Михаил услышал музыку. Судя по всему, новый лаунж, написанный Розой Врубель в соавторстве с машинным интеллектом. В камине теплятся искусственные огоньки. На полу перед диваном – шкура белого медведя.

Мимо Михаила проехал робот и направился в сторону шлюза.

– Робот поможет нам разгрузиться, – услышал Михаил голос Меффера из другой комнаты. – Кстати, если вы уже увидели шкуру медведя, она искусственная. Вы же помните об экологических проектах ОАК?

Как может человек, спокойно говорящий о войне, так щепетильно относиться к животным? Михаил не мог этого понять.

– Как я уже говорил, здесь я работаю, – Эрик включил огромные настенные экраны и вывел из сна бесчисленные приложения. Нажав на браслет, запустил синхронизацию данных с компьютерами «Авроры».

– Конечно, можно было наладить синхронизацию из общего облака с моим домом. Но дальняя связь на Марсе пока неважная. Поэтому синхронизирую по старинке.

– Меффер, а вы трудоголик!

– О нет! Я – результатоголик. Если бы вы знали, сколько поистине потрясающих проектов я привез сюда. Сколько ещё нужно успеть.

Михаил удобно устроился в кресле. Всё тот же робот предложил накрыть на стол.

– Вы не хотите есть? – обратился к Михаилу Эрик и, получив отрицательный ответ, отослал робота: «Чуть позже, Роб, отдохни пока».

Робот наклонился, как бы кивая, и уехал в своё техническое помещение.

– Михаил, что вы знаете о терраформировании?

– Если не ошибаюсь, это создание на других планетах условий, схожих с земными. Верно?

– Да-да. Буквально на днях мой хороший друг, академик Лифшиц из Санкт-Петербурга – кстати, вы бывали в Петербурге? – прислал мне интересную математическую модель, описывающую процесс преобразования атмосферы Марса к земному виду.

– То есть мир новый, а условия старые? – усмехнулся Михаил.

– Вроде того. Всё бы хорошо, только процесс формирования атмосферы при исходных данных займет около пяти тысяч местных лет. Между собой мы называем марсианские годы циклами, чтобы не путаться.

– Долговато, не находите?

– ...даже при условии того, что жители планеты имеют все шансы до него дожить.

На лице Михаила отразилось явное удивление.

– Впрочем, об этом позже, – Меффер не спешил объясняться. – Компьютер, реактор «TR-5000». Открыть проект... Михаил, полюбуйтесь!

Ещё не отошедший от разговора об аномально долгой жизни Михаил уставился на экран. Множество цифр, формул и графиков складывались в трёхмерную модель мефферовского термоядерного исполина.

– Это моя гордость, – сказал Меффер. – Двенадцать лет работы. Михаил, вы просто не представляете, что перед вами. Это будущее энергетики. Это ключ к вратам Галактики! Он мог бы оживить такой материк, как Африка, наполнить светом и теплом города на обеих полярных шапках. Если построить на основе этого реактора двигатель, то за каких-то 100–150 лет на нем можно будет долететь до ближайших звезд, – Меффер сделал паузу, наслаждаясь эффектом. – А главное, с его помощью можно значительно ускорить процесс терраформирования Марса! Компьютер, файл проекта «Терра-2. Лифшиц». Ввести энергетические параметры «TR-5000» в модель, произвести замену переменных. Обновить расчёты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.